Марина Иванова

УТЕС ЗАБВЕНИЯ

Марина Иванова
Утёс забвения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70059124
SelfPub; 2023

Аннотация

Два века прошло с той поры, как на утёсе казнили ведьму, но жители окрестных деревень по сей день платят за преступление, совершённое предками. И каждый год кто-то из них становится жертвой утёса, ведь стоит человеку пустить в душу тьму или отчаяние, он становится уязвим и в поисках забвения идёт к утёсу – странному зачарованному месту, дарующему обманчивый покой. И однажды человек делает шаг за грань – туда, где бьётся о камни грозный, стремительный поток.В доме Кирилла и Лизы появляется призрачный мальчик. Ему нужна помощь, но в чём она должна заключаться, объяснить мальчик не может, выяснить это героям предстоит самостоятельно, вот только как всё успеть, когда от собственных проблем, куда более значительных и весомых, нет спасения? Третья история серии.

Марина Иванова
Утёс забвения

1

Ночь стояла морозная бесснежная, круглый диск луны выкатился на небо и завис огромным блюдцем в россыпи мерцающих звёзд прямо над городом. Холодно было в городе, но тихо и безветренно, как в Крещенские морозы, и не скажешь, что февраль – месяц злых метелей, ветров и вьюг. Вот уже несколько дней стояли лютые морозы, люди старались не выходить из домов, отменялись занятия в школах, мороз выстудил ледяным дыханием город, обездвижил его, погрузил в глубокий, тревожный сон без сновидений и надежды на потепление.

Луна, заглядывая в дом, освещала комнату мертвенным белым светом, смешивалась с мягким светом крошечного ночника над детской кроваткой, рассеянными лучами заглядывала в каждый тёмный уголочек, касалась лиц спящих на кровати людей, посапывающего во сне малыша в кроватке. Потревоженный чем-то, проснулся малыш, закряхтел, напоминая о себе родителям, заворочался, выпростал из-под одеяльца крохотный кулачок. Проснулась женщина, села на кровати, спустив на пол босые ноги, протянула руку к кро-

ватке, качнула. Всё в порядке, мама рядом, значит, можно дальше спать, малыш почмокал сонно, прикрыл глазёнки. Мама склонилась над ним, поправила одеяльце, окинула взглядом комнату и застыла, с ужасом глядя в угол возле двери.

На полу, поджав под себя босые ноги, сидел мальчик лет четырёх. Перед ним высилась горка кубиков – мальчик строил башню. Три кубика, сверху водрузил четвёртый, пятый, шестой… башня рухнула, мальчик всхлипнул, схватил кубик, швырнул его куда-то в сторону двери, оглянулся в растерянности. Увидел женщину, открытая, приветливая улыбка озарила его лицо.

Она, напротив, вскрикнула, попятилась, вскинув ладони к лицу, наткнулась на кровать, села, обхватив руками колени, уткнулась в них лицом, отгородившись от мальчика длинными волосами. Её била дрожь.

От её вскрика проснулся мужчина, заглянул в кроватку, пытаясь понять, что напугало жену, первая мысль, конечно, была о ребёнке, но увидел сладко спящего сынишку, успокоился, обнял Лизу, прижал к себе.

– Родная моя, что случилось? Опять кошмар? – чувствуя, как дрожит под ладонями спина жены, шептал он, – Ну не молчи… Не пугай меня…

Лиза будто очнулась, замотала головой, вырвалась, схватила мужа за руки, в страхе оглянулась на дверь. Ни мальчика, ни кубиков там больше не было, только полоска лунного

света застыла на тёмной стене…

– Показалось, наверное… – судорожно всхлипнула Лиза. – Просто показалось, Кирюш…

– Что? – Кирилл насторожился. Он знал, просто так Лизе ничего не кажется, видения изводили девушку раньше, но дар не проявлял себя девять месяцев, ровно столько, сколько она сына вынашивала, неужели снова началось?! Закончилась тогда спокойная жизнь… – Что ты видела, Лизунь?

– Там, – Лиза махнула рукой на дверь, – Там мальчик был… – Её сотрясала крупная дрожь, зубы стучали, слова давались с трудом. – Он в кубики играл.

– Мальчик? – Кирилл нахмурился, невольно бросил взгляд в указанном направлении и, разумеется, никого не увидел.

– Да. Мальчик. Он исчез, когда ты проснулся…

– К тебе снова приходил призрак?

– Похоже на то…

– Лиз… ты посиди, я водички принесу…

– Нет! – Лиза вцепилась в мужа. Обхватила руками, прижалась изо всех сил, не оторвать. – Кирюш, не оставляй меня одну, мне так страшно…

– Тогда вместе идём.

– А Максимка? Он тут один останется? – отрицательно замотала головой Лиза. – Я боюсь оставлять его одного, вдруг мальчик вернётся?

– Даже если вернётся, – уговаривал Кирилл, перебирая

пальцами длинные волосы жены. – Максимке он ничего не сделает, сама ведь знаешь. Он к тебе приходил, не к нему. Идём, не бойся. У нас радионяня есть…

– Ну хорошо. – Лиза позволила уговорить себя. Медленно кивнула, спустила ноги с кровати, надела тапочки, Кирилл накинул ей на плечи тёплый плед.

– Идём, родная. Кофе тебе сварить?

Мальчик сидел на столе в гостиной. За его спиной высилась невысокая башенка из кубиков, а он сидел, с любопытством разглядывал Лизу и, склонив голову к плечу, болтал в воздухе босыми ногами. Заметил её испуг, сложил ладошки в умоляющем жесте, не пугайся, мол, не надо, ничего плохого я вам не сделаю.

– Кирюш, он здесь, – громким шёпотом сообщила Лиза, вцепившись в руку мужа мёртвой хваткой и прячась за его спину. – Он сидит на столе и смотрит на меня.

– Не бойся, Лизонька. – Кирилл повернулся, поцеловал жену в макушку, обнял, поплотнее укутал в плед. – Просто поговори с ним и всё.

– Нет… я не готова… – замотала головой Лиза. – Не готова, Кирюш…

– Ладно.

Кирилл включил свет, морок рассеялся. Лиза села на диван, подтянула ноги к груди, натянула пушистый плед на голову, и пока Кирилл варил кофе, сидела, спрятавшись и сжимая в руке трубку радионяни. Он подошёл, сел рядом, протя-

нул жене кофейную чашку, дождался, пока она глотнёт, почувствовал, как отпускает её страх, и только тогда спросил:

– Лизунь, а этот мальчик… как он выглядит? Он знаком тебе?

– Нет. Совсем не знаком. А выглядит… – Лиза задумалась, вспоминая. – Шортики короткие, футболка с покемоном, старая и заношенная, явно с чужого плеча, босой… Волосы светлые, растрёпанные, как будто выгоревшие на солнце. Они спадают на глаза прядями, топорщатся над ушами. Веснушки на носу, белёсые брови, тоже выгоревшие… А ещё… Он весь в синяках и ссадинах, Кирилл. Ноги, руки, лицо… На лбу царапина глубокая, кровь запеклась… Его, кажется, били, сильно били…

– Выходит, за помощью он к тебе приходил?

– Да за какой помощью может ко мне обратиться призрак?! Чем я ему помогу?! Пожалею? По голове поглажу и скажу, что всё будет хорошо?!

Кирилл обнял Лизу, поставил на стол опустевшую чашку.

– А вот это надо у него спросить. Большой мальчик-то? Говорить, как думаешь, умеет?

– На вид года четыре, говорить… – Лиза неуверенно пожала плечами, – Не знаю, он молчал, улыбался только. Ты считаешь, я должна с ним поговорить?

– Думаю, должна. Он пришёл к тебе не на чай с плюшками, раз явился, значит, ему помощь требуется.

– Хорошо, – с запинкой согласилась Лиза. – Я попыта-

юсь… вот только не сейчас. Мне привыкнуть надо к нему, хоть чуть-чуть…

Но в эту ночь мальчик больше не появился. Зато проснулся Максимка, суровым басом нехарактерным для такого маленького человечка, потребовал кормёжки. Пока Лиза покормила его, пока поменяла подгузник, пока укачала, наступило утро. Зимнее, тёмное. Так и не поспали они в эту ночь. Едва глаза сомкнули, прозвенел будильник, Кирилл нехотя выбрался из тёплой постели. Не хотелось, но сегодня на работе важная встреча с поставщиками, не отменить её, не перенести…

– Сейчас встану… – сонно пробормотала Лиза. – Завтрак тебе приготовлю…

– Спи. Я сам… – отказался Кирилл. Вспомнил о ночном происшествии, добавил, – Лиза, ты не бойся ничего, слышишь? Я сегодня быстро вернусь. Встречу поставщиков, пообщаюсь и приеду. Договорились?

– Да, Кирюш… В магазин не заедешь, чтобы мне не выходить? А то продукты дома заканчиваются…

– Всё куплю, видел список на холодильнике. Не переживай.

Он поцеловал её, заглянул в кроватку, улыбнулся спящему сынишке и вышел поспешно, борясь с искушением, нырнуть обратно под одеяло.

Пока добирался до работы, Кирилл всё думал о ночном госте. Он хоть и успокаивал Лизу, убеждая, что в появлении

призрачного мальчика нет ничего страшного, но сам не верил своим словам. Вернулись Лизины способности, это уже является поводом для беспокойства. Если призраки начали являться к ним в дом, значит, о спокойствии в семье можно забыть. Неужто, всё сначала?! И что на этот раз?

Мальчик не просто так в гости зашёл, чего-то он хочет от Лизы, вероятнее всего помощи. Во что он втянет Лизу? В очередную авантюру? Ох, как не хочется… Им в избытке хватило летних приключений – с похищениями, драками, погонями и криминалом. Впутываться ещё во что-то совсем не хотелось. Хотелось забрать Лизку, детей и удрать из их уютного дома куда подальше, так ведь разве спрячешься от призраков? Везде достанут и не отвяжутся до тех пор, пока своего не добьются. Настырные они, призраки.

А тут… ребёнок совсем… Что же случилось с ним? И в чём разобраться хочет? Вопросы, вопросы – впрочем, как всегда.

Лиза так и не смогла заснуть в то утро, в голове навязчиво крутился ночной визит призрачного мальчика. Она не могла понять, что хотел от неё несчастный ребёнок, чья жизнь так быстро оборвалась… что с ним стало? Почему он появился в её доме? Ведь не сказал ничего, не попросил о помощи, просто сидел и строил башню из кубиков…

Проснулся Максимка, Лиза покормила его, спустилась вниз, уложила сынишку в коляску, поставила её в гостиной. Что ж, раз не задалось утро, ложиться досыпать уже не сто-

ит, лучше порадовать Полинку блинчиками к завтраку.

Она как раз допекла их, когда в кухню этаким ураганчиком ворвалась Поля. На ней была любимая пижама, из которой девочка давно выросла, но выбрасывать не позволяла, и пляжные шлёпанцы. Длинные волосы, небрежно подхваченные заколкой, топорщились в разные стороны, серые глаза сияли яркими звёздочками.

– Привет, мамуль, привет, Максик! – поцеловав Лизу и спящего братишку, пропела она. – О! Блинчики! Мама, ты чудо!

– Садись за стол, разбойница, – улыбнулась Лиза. – Сейчас чай налью.

Полинка уселась за стол, схватила с тарелки блин, мигом скрутила, макнула в блюдце со сгущёнкой, сунув сладкую трубочку в рот, зажмурилась от наслаждения.

– А ты чего сегодня так рано? – с набитым ртом, спросила она. – Макс бушевал? Если что, ты мне скажи, я с ним договорюсь.

– Нет, доча, брат у тебя спокойный. В кого только – неясно.

– В тебя, мам. Ты у нас самая спокойная. А мы с папой фамилии соответствуем.

– Вот уж точно! – засмеялась Лиза.

Посторонний звук из коридора привлёк Лизино внимание. Заставил прислушаться. Показалось, будто что-то маленькое скатилось по лестнице, ещё и ещё…

– Полин, ты слышала? – насторожилась она.

– Что? – Девочка явно ничего не слышала, сидела на высоком стуле, жевала блины, болтала ногами в воздухе.

– Кажется… Упало что-то в коридоре…

– Нет, мам, я ничего не слышала, – шумно отхлебнув чай из большой кружки, отрицательно покачала головой Поля.

– Я посмотрю…

Мальчик как на жёрдочке сидел на верхней ступеньке лестницы. Подтянув колени к груди и обхватив их рукой, он отправлял вниз кубик за кубиком, они один за другим прыгали по ступенькам, замирали внизу. Мальчик следил взглядом за каждым кубиком, и, стоило тому замереть, кидал следующий…

– Привет, – шепнула Лиза.

Мальчик медленно поднял голову, улыбнулся ей, но с места не двинулся, отправил прыгать по ступенькам ещё один кубик.

– Как тебя зовут? – спросила Лиза.

Мальчик задумался, пожал худенькими плечиками и шустро сложил вместе четыре кубика. Кубики оказались с буквами, Лиза только сейчас это заметила, прочитав имя «Ваня».

– Ты Ваня?

Мальчик кивнул утвердительно, снова, будто потеряв интерес к диалогу, кинул кубик на ступеньку.

– Сколько тебе лет… было?

Он, не отрывая внимательного взгляда от прыгающего по ступеням кубика, показал растопыренную ладошку.

– Пять?

Снова кивок.

– Ванечка, а что… с тобой случилось?

Мальчик задумался, сведя к переносица белёсые брови, и, не умея поведать жестами историю своей гибели, разозлился, принялся раскидывать кубики во все стороны. Сколько же их у него! Посмотрел на Лизу с мольбой, снова сложил у груди ладошки и растворился, будто и не было.

– Мам, кто это был? – возникла за спиной Полина.

– Ты видела? – насторожилась Лиза.

– Нет. Но слышала, что ты с кем-то разговариваешь. Мам… это призрак, да? – дрожащим от сдерживаемого ликования голосом шепнула девочка. – В нашем доме призрак завёлся?! Ух ты! Как здорово!

– Вот что за ребёнок?! Полинка! Сама вопросы задаёт, сама на них отвечает, сама выводы делает! Поль, ты и в школе такая? – легонько щёлкнув дочь по носу, рассмеялась Лиза.

– Ну да! – не поняла Полина. – А что такого-то? Мам… ну мам… не уходи от ответа, расскажи, – заканючила она.

– Что? Ты же сама всё знаешь, – хитрила Лиза.

– Ничего я не знаю! – Полина нетерпеливо топнула, потянула Лизу за рукав. – Расскажи, а? Или… это тайна? Страшная? А он угрожает нам или за помощью пришёл? А если за помощью, ты ведь ему поможешь? Поможешь, да?

– Всё! Всё! Сдаюсь! – Лиза засмеялась и вскинула вверх ладони. – Идём в гостиную, я тоже позавтракать хочу, там и расскажу тебе, всё что знаю. Но предупреждаю сразу, знаю я немного. А вернее, совсем ничего.

– Так ты же его видела? Видела, да? Какой он? Вот бы мне увидеть! – в голосе Полины слышалась нескрываемая зависть.

– Полин, это вовсе не так весело, как тебе кажется, – неодобрительно нахмурилась Лиза. – Видеть их… страшно. Я с детства вижу, а привыкнуть не могу до сих пор.

– Почему?! – распахнуло глазёнки непоседливое дитя.

– Хотя бы потому, что их визиты всегда неожиданны. Раньше они приходили только во время грозы, тогда хоть как-то можно было настроиться, а потом всё изменилось. Ну представь, в темноте пустой комнаты вдруг увидеть кого-то, совершенно тебе незнакомого! А ещё понимать, что это не человек. Был когда-то, да, но теперь… не человек. Думаешь, это весело?

– Не весело, а здорово! – уточнила Полина.

Спорить с ней бесполезно, Лиза только покачала головой.

Выслушав Лизин рассказ, Поля задумалась глубоко, сунула палец в рот, принялась сосредоточенно обкусывать ноготь. Вспомнила, что это неприлично, одёрнула себя, вытащила палец изо рта, зажала ладошки коленями.

– Его убили? – неожиданно спросила она.

– Я не знаю, Поль. – Лиза будто ждала вопроса дочери,

ответила без паузы, сразу. – Синяки да ссадины могут быть следами не только избиения, но и несчастного случая. Хотя, если начистоту, травмы действительно больше на побои похожи.

Мальчик возник на диване рядом с Полиной. Он полностью скопировал позу девочки и отрицательно замотал головой.

– Несчастный случай? – уточнила Лиза. – Нет… Убийство? Тоже нет… Что же? Ты болел?

– Он что, рядом со мной?! – округлив глаза, громко зашептала Полина, сползая на пол.

– Да.

– Ой!

Мальчик тоже сполз на пол, снова уселся рядом, потянулся к Полине худенькой ручонкой.

– Нельзя! – остановила его Лиза, он сник, обхватил руками плечи, всхлипнул. – Так что же случилось с тобой? – задумалась Лиза.

Он снова попытался заговорить, но не смог, вскинул к лицу ладошки и исчез.

– Мам, что он сделать хотел?

– Потрогать тебя. Ему холодно, он согреться не может, вот и пытался коснуться живого тепла. Он совсем маленьким умер, думаю, и сам не особо понимает, что с ним произошло. На все мои предположения ответил отрицательно.

– И что теперь? Он всегда тут будет? Или помощи у тебя

просит?

– В том-то и дело, что ни о чём он меня не просит. Просто появляется. Не знаю я, Поль, что ему нужно. Он пытается что-то сказать, но не может. И… сильно расстраивается из-за этого.

– Мам… ты поможешь ему? Ведь, правда, поможешь? Мы не можем оставить мальчика. Мы просто обязаны ему помочь!

– Поль, я и рада бы, но не знаю чем. Он же не говорит.

– Он найдёт способ рассказать тебе всё, обязательно найдёт.

– Посмотрим, – зябко поёжилась Лиза. В доме было тепло, даже жарко, но её знобило. Чувство тревоги не оставляло, предчувствие чего-то страшного и необъяснимого смёрзлось внутри ледяным жгутом, опутывало, не давая сосредоточиться ни на чём.

Нахлынули воспоминания. Лиза снова оказалась на сером дворе возле старой кузни, и снова, как тогда, манили её за собой злобные сущности, уговаривали, убеждали, вынуждая уйти. Так неужели снова её спокойная размеренная жизнь сменится кошмаром?! Нет, пока предпосылок не наблюдается, но ощущения, как быть с ними? Лиза чувствовала, что мальчик всё-таки втянет её в историю, а она не сможет ему отказать.

А ведь вполне может так случиться, что понадобится не только её помощь, ведь Ясю по указке её прабабушки разыс-

кивали всем семейством, и каждый рисковал. Особенно Кирилл. Впутывать родных в очередную авантюру не хотелось категорически…

– Когда же морозы закончатся? – отвлекла её от тяжёлых раздумий Полинка. Чайной ложкой она зачерпывала сгущёнку из банки и задумчиво тонкой струйкой выливала её обратно. – Я бы уж в школу сходила…

– Заскучала по шалостям?

– По друзьям, – уклончиво ответила девочка. Лиза ей не поверила. Не было у Полины друзей в школе. Приятелей – хоть отбавляй, а друзей, таких, кому Полина могла бы тайны доверять, не было. Вне школы девочка ни с кем не общалась, считая ровесников скучными.

2

Лунный свет заливал рассеянным серебром спящую деревню. Касался изгородей, низких, покатых крыш, скользил по глиняным горшкам, развешанным по заборам, путался в пыльной листве старых, скрипучих яблонь. Ночь стояла особая, тихая, безветренная, необычайно светлая для конца августа, наполненная запахом скошенной травы, сена, созревших яблок. Ночи, подобные этой, хранят немало тайн. Светлых, счастливых – таких как первые любовные признания, откровения, свидания у реки, поцелуи на сеновале.

Но видели подобные ночи и другое. Страх, боль, смерть…

Хрупкое равновесие иногда нарушалось, стиралась грань между счастьем и горем, чего больше – не понять. Для любого дела подходили такие ночи – для жарких признаний, тихой тоски, для жизни и смерти. Смотрела луна безмолвным свидетелем на дела людские, серебрился в вышине её светлый лик, то ли грустью наполненный, то ли радостью, как знать…

Изба стояла на отшибе деревни, чуть в стороне, ближе к границе леса, и лунный свет едва-едва пробивался сквозь мутное оконное стекло, самое дешёвое, с крупными пузырями и волнами, неопытными подмастерьями сделанное. Хоть и большая изба была, а неухоженная, обветшавшая. Чёрные брёвна, полуразвалившаяся труба, покосившаяся изгородь во дворе, кривоватые горшки – явный самодел, зато яблоня, что роняла на крышу тяжёлые ветви с наливными спелыми плодами, была на загляденье – ухоженная, красивая, с выбеленным по весне стволом.

Внутреннее убранство избы тоже говорило о крайней степени нищеты – дом не был разделён на отдельные клетушки-комнаты, в центре стояла печь, от неё – на верёвочках линялые домотканые занавеси, они и отделяли жилое помещение от подсобного, большую часть которого занимал длинный стол и лавки с двух сторон от него. Собственно, кроме стола, сундука и древнего громоздкого буфета в помещении мебели не водилось…

Иванка сидела за столом, сложив руки на его неровной

поверхности и уронив на них голову. Разметались по столу её чёрные с проседью волосы, лунный свет серебрил белёсые пряди, игрался ими, ласкал, но женщина не замечала его.

Ровно год прошёл, как не стало её Серёжи, целый год тягостного одиночества и безрадостного вдовьего существования одинокой женщины с тремя детьми. Неоткуда ждать помощи, не на кого надеяться. Она устала, очень устала. Вспомнить, как переживали они эту зиму, как голодали весной… Эх, что же ты, Серёженька, так подвёл?

Они чужие здесь, с самого начала, как поселились в этой неказистой избе и вот уже двенадцать лет. Так и не прижились, так и не вышло своими стать. Когда был жив Серёжа, легче было, с ним хоть как-то сельчане общались, пособить не отказывались. Но не стало мужа, и травницы пришлой сторониться начали, будто беды от неё ждали. Тяжело ей лямку тянуть, ох, тяжело… а когда-то казалось, всё по плечу им, сдюжат, не пропадут. Тогда молодость бурлила в крови, горячила разум, заставляла сердца биться чаще, казалось, всё у них сладится, иначе и быть не может. Именно любовь толкнула их в путь, ведь знали же, не позволительно молодому барину с простой травницей знаться. Но Серёжа судил иначе…

Ему было четырнадцать, он бредил рыбалкой, и как ни убеждали батюшка с матушкой, что не пристало юному барину как простолюдину в лодке с удочкой сидеть, мальчик был непреклонен. Настоял, убедил, добился своего, да чуть

до беды не довела его рыбная ловля.

Одного его на реку не пускали, только с приглядом – старым дядькой, служащим при доме с давних времён. А тому, старому, на бережочке бы полежать, кости на солнышке погреть, вот и случилось так, что оказался в лодке мальчик один. Почему перевернулось судёнышко – не ведомо, но оказалось, что мальчишка, свободно разговаривающий на нескольких языках, плавать не обучен, тонуть начал. И утонул бы, не окажись поблизости внучки травницы, девчонки-ровесницы. Как вытащила, да пуп не надорвала, потом и не вспомнила, но справилась, вытянула на белый речной песочек, выбила воду из лёгких. Ожил мальчишка, а она и рада, озарила красивое личико открытой улыбкой, смотрела ласково, а проворные пальцы переплетали мокрые волосы цвета воронова крыла в толстую косу.

– Очухался, барин? – спросила она с добродушной усмешкой. – Что же ты, плавать не умея, в воду полез?

– Серж я, – прокашлявшись и продышавшись, представился мальчик, проигнорировав её неудобный вопрос. – Ты кто?

– Я то? – девочка подмигнула весело, лукаво склонив к плечику черноволосую голову. – А Иванка я. Травница. Тебе с такими как я не след разговаривать. Очухался и добро, иди себе…

А он смотрел в карие, янтарные глаза и не мог оторваться.

– Ты меня из воды вытащила? – смутившись, спросил Серж. Вышло неудобно, довольно грубо, но тон хорошо скрывал неловкость.

– А то кто же? – засмеялась девочка, и смех её, что лесной ручеёк побежал по пустынному берегу. – Думала, не сдюжу…

– Благодарствую.

Она фыркнула, залилась малиновой краской, отвернулась, пряча смущение. Босоногая, смешная, в мокром, линялом сарафане, украшенном затейливой вышивкой, с исцарапанными руками. Он разглядывал её, не таясь, с детским восторгом и зарождающимся в душе неизведанным ранее чувством, и никак не мог понять, что происходит с ним. Почему хочется смеяться, шутить, сидеть рядом с этой простолюдинкой и… расплетать богатую косу, погружая пальцы в смоляные волосы.

– Пойду я, – резво вскочила на ноги девчонка, – Недосуг мне сидеть с тобой, да и негоже…

– Почему? – вопрос вырвался сам собой, Серж и не думал спрашивать, сам всё понимал.

– Ты барин, а ну как батюшка твой прознает, что с нищей простолюдинкой разговоры вёл, накажет меня.

– Не указ мне папенька! – обиделся мальчик, даже голос повысил недопустимо.

– Строптивец, да? – Иванка улыбнулась. – Тебе, может, и не указ, а мне воля барская, что слово божье. На выселки

отправит, как жить стану? Не одна ведь я, бабушка старенькая на мне, хворая совсем. Пойду. Не след нам разговоры говорить, да и не о чем, неучёная я, грамоты не знаю, книжек умных отродясь в руках не держала.

Правда в словах девочки была, как ни грустно признавать, а она во всём права. Но отпускать её не хотелось.

– Где я могу найти тебя, Иванка? Волей барскою отблагодарить тебя хочу за спасение. – Сказал и сам покраснел. Слишком уж напыщенно и неуместно в данной ситуации прозвучали его слова. Иванка не великосветская дама, чтобы изъясняться с ней вот так, витиевато, он будто лишний раз обозначил грань между ними, указал ей место… Некрасиво получилось.

Она хихикнула, глаза опустила.

– А и не надобно мне благодарности твоей. Живи, барин Серж, жизни радуйся. – Отвернулась и пошла, перекинув за спину косищу. Он не пошёл за ней, но смотрел на её идеально ровную спину и стройную, но не потерявшую детской, трогательной угловатости фигурку до тех пор, пока не скрылась девчонка из виду.

Они встречались редко. Сержу приходилось каждый раз выдумывать что-то, чтобы встреча выглядела случайной. Разговаривали при встрече мало, всё больше он говорил, она слушала внимательно, оглядываясь по сторонам, кабы не углядел кто, кабы не донёс барину о похождениях сынишки неразумного, она гнала его от себя, а он никак не мог отка-

заться от возможности видеть эту девочку. Уезжал в город учиться, приезжал на каникулы и снова спешил к ней, выдумывая всё новые и новые предлоги.

Так два года минуло. И, этого не могло не случиться, однажды барину кто-то донёс о том, что слишком внимателен его Серж к нищей травнице, живущей опричь его владений. Ох, и бушевал он! Серж сроду не видел батюшку в подобном гневе! Но не струсил, стоял, сжав губы в тонкую линию, смотрел в глаза, взгляда не отводя, а у самого по щекам пятна красные пошли, да желваки заходили от едва сдерживаемой ярости. Смолчал, пусть и хотелось кричать, противиться воле родительской, стерпел гнев его и затрещину обидную, а ночью собрал пожитки, увёл со двора коня с телегой, забрал Иванку, хоть и противилась она, да и повёз, куда глаза глядят.

Была ли погоня им во след, так и не узнали они, да только никто пути не потревожил, уезжали влюблённые, забираясь всё дальше и дальше, в самую глушь.

– А ничего! – храбрился Серёженька. Иванка Сержем величать его наотрез отказалась, имя, с лёгкой руки выписанной из Франции учительницы, прилипшее к нему, трансформировалось в привычное русскому уху. – Всё у нас с тобой будет хорошо! – обещал он. – Ты только потерпи чуток, Иванка, потерпи, милая, всё наладится.

Она и верила, и не верила, сердечко так и заходилось – и от радости исполненной мечты, и от страха перед неиз-

вестностью. Вдвоём! Это ли не счастье? Руки, ноги есть – не дадут пропасть. Вот только как Серёженька? Не затоскует ли по прежней, устроенной жизни? Не захочет ли вернуться, сбежать от трудностей? И верила избраннику своему, и не верила.

Остановились беглецы в глухой деревеньке, старая одинокая бабушка приютила путников, выделила им угол в своей избе.

Трудно было, особенно в первое время, Серёжа, не приученный к труду, уставал от любой физической нагрузки, но тянул лямку охотно, не жаловался. В положенный срок появились на свет двойнята Савелий и Софья, ладно жила семья, дружно. Бабушка, приютившая беглецов, нарадоваться не могла обретённому внезапно счастью, в охотку возилась с внучатами, Иванку дочкой звала. Десять лет прожили они большой семьёй в ладу и понимании, да только беда пришла, не спросясь. Вот только-только на свет появилась ещё одна дочка – Ариша, как подкосила Серёжу болезнь лютая. Захворал, да не обращал внимания, всё травками Иванка мужа отпаивала, ему отлежаться бы, авось и отступила бы хворь, а он на поле ходил, наравне с сельчанами косил траву, сено в стога ворочал. Не отступала болезнь, скоро понятно стало Иванке, не выдюжит, а Серёжа к тому времени с лежанки подняться не мог, кашлял тяжело и натужно, выхаркивая из лёгких кровь.

Вот и ушёл он, следом, ушла и бабушка, осталась Иван-

ка одна с детьми малыми. Старшие помощниками росли, да только где ж им десятилетним с тяжёлой работой справляться… Год мыкались кое-как, устала Иванка. Так устала, что на тень походить начала, таяла на глазах. Соседи сторонились, ведьмой кликали, а ведь совсем недавно за помощью к ней обращались, с бедой непременно к ней шли, она не отказывала никому. Да только веру потеряли. Кому она сможет помочь, когда собственного мужика от хвори не излечила?

Новая беда пришла в деревню, лихоманка неизвестная скот косить начала. Люди, те самые, кого спасала Иванка не однажды, быстро виновника нашли. Её. Иванку. Пришлая, мол, чужая. Не задалась жизнь, обозлилась, через скотину людям мстить начала. Встречая на улице, обходили её десятой дорогой, в глаза не смотрели, крестились истово, а она понять никак не могла, что случилось.

Дети надоумили, рассказали. Вот и послала их Иванка за травкой болотной, способной живность излечить, сама не дошла бы, три дня ходу, да ничего, привычные они…

Сердце заходилось в дурном предчувствии, но откуда беды ждать, Иванка не знала, чувствовала лишь нависшую над собой тень угрозы, и тень эта разрасталась с каждой минутой, застилала взор, набирая силу, груз обречённости давил на плечи неотвратимостью беды.

Они ввалились в избу всей толпой. От мала до велика – все жители села, даже младенцев притащили, не пожалели

сна детского.

– Что нужно? – не очень-то учтиво спросила Иванка, резко поднявшись со скамьи. Закружилась голова, подкосились ноги, и упала бы, удержалась неимоверным усилием воли.

– Судить тебя будем, ведьма! – ядовито зашипел кто-то в толпе.

– Судить? – Иванка недобро усмехнулась. – А не поздновато ли для суда? Ночь на дворе.

– -В самый раз! – заголосила толпа.

– Где отпрыски твои? – обвёл суровым взглядом избу сельский староста, углядел на печи вихрастую макушку Аринки. – Доставай.

– Дети причём? – глухо спросила Иванка. – Не троньте!

Кто-то стащил малышку с печи, она спросонья дико вращала глазами, озиралась, но не плакала.

– Оставьте! – властно приказала Иванка. – Меня судите, коли виновата пред вами! Детей не троньте, прокляну…

Малышку выпустили, поставили на пол, она со всех своих неуклюжих ножек, едва освоивших премудрость ходьбы, бросилась к матери, прижалась, обхватила ручонками её колени. Ладонь привычно опустилась на детскую макушку. Иванка в последний раз погладила дочку по волосам, растрепав вихры, отцепила ручонки, вышла, осторожно прикрыв дверь за собой. Вот и всё. Скоро встретится она с Серёженькой. А и не долго ждать ему пришлось… вот она, спе-

шит во след, торопится. Одного жаль, детей вырастить не успела, сиротинками пташек своих оставляет.

Что не тронут сельчане деток, она поняла сразу, выгнать, может и выгонят, но не тронут, побоятся проклятья ведьмовского, но вот как детки жить будут без неё? Кто приютит их, кто куска хлеба сироткам не пожалеет? Видно судьба такая у них… сиротская…

Она шла сама, сельчане вели её толпой, но приближаться боялись, держались с боков и позади, а она шла и улыбалась, и глаза её в лунном сиянии горели нездешним огнём. Отступали тени, дорога пыльной лентой ложилась под ноги, шептались деревья, будто обсуждая между собой людское вероломство. Суда не будет. Это Иванка поняла сразу, как только переступила порог её дома разъярённая толпа. Это читалось в затравленных взглядах, в мимике, в скованности жестов. Будет казнь. Её просто убьют, в надежде, что со смертью ведьмы окаянной наладится жизнь в селе, и сами собой рассосутся скотьи хвори.

Сказать бы им, что мор никуда не уйдёт сам по себе, сказать бы, что убийством они не решат собственные проблемы, напротив, навлекут на себя немилость божью. Не только Иванке они в эту ночь смертный приговор вынесли, себе заодно, деткам своим, на чьи головы непременно падёт проклятье. Не её проклятье, нет, она сроду никому зла не чинила, проклятье, имя которому – вина. Как жить с ней будут? Смирятся? Забудут? Не забывается подобное. Яр-

мом над людьми повиснет тягостное чувство вины, выжигать души будет, разрастаться, зло в себе нести с ненавистью вкупе. Всё селение изведёт их ненависть, их нечаянный грех – убийство. Нет ему оправдания, нет и прощения.

Проснутся завтра сельчане, в глаза друг дружке смотреть не смогут. Да что там другим, каждый эту ночь забыть постарается, вытравить из памяти навек. Да только не получится, схлынут эмоции, уйдёт ярость безумная, задумаются люди, не вдруг поймут, что совершили. А только поздно будет. Послушались навета, пошли как стадо за одним, властью обладающим, теперь их провидение судить станет, за тот грех, что под чьим-то влиянием на душу возьмут.

Ничего она им не скажет. Коли сами думать не умеют, слова чужого слушают, разве достучишься до них? Пусть. Она готова, и так… недолго осталось. Зовёт её Серёженька, не оставляет. А детки… они проживут, им воздастся за сиротство вынужденное, снизойдёт на них божья благодать, обязательно.

Скорей бы уж… Так долго идут они, совсем сил нет, вот чуть-чуть ещё и упадёт, подняться не сможет. К реке ведут, к утёсу… Зачем? Могли бы и в лесу дело своё чёрное совершить… Скорей бы…

Место есть на реке странное, утёс будто зуб зверя невиданного в реку вгрызается. Под ним бурлит и стонет буйная река, камни в ней с дом размерами, острые края их из чёрной

воды торчат частоколом, а вокруг омуты крутят. В ясную погоду, если лечь на самом краю утёса, да вниз посмотреть, видно их, воронки те… Да и не бывает в этом месте река спокойной, бурлит, пенится, злится будто на препятствие, мешающее спокойно течь. А посреди утёса трещина в скальной породе, узкая да глубокая, отшлифованная чьими-то руками до блеска. Для чего шлифовали? Непонятно… Сережа говорил, наверное, искали что-то в породе, камни самоцветные или ещё что, в своё время он и сам спускался вниз на верёвках, любопытство часто толкало его на приключения. Ничего он там не нашёл. Каменный карман закончился таким же каменным дном, и ни сколов на гладких стенах, ни зарубок от инструмента. Разочарованный, Серёжа поднялся обратно, водрузил на место сплетённую из крепких, высохших прутьев решётку, на невысказанный вопрос жены недоумённо пожал плечами. Что за пролом, зачем на нём решётка? Он так и не смог разобраться…

Иванка остановилась возле пролома. Видать сюда её и вели, поскольку сельчане остановились тоже. Застыли толпой, глядели настороженно, будто они, а не Иванка вовсе, шли сюда на смерть.

– Что, люди добрые, нашли причину бед своих?! – понёсся над обрывом насмешливый звонкий голос Иванки. Она стояла, распрямив плечи, вскинув вверх заострившийся подбородок. Глаза её горели торжествующим огнём, на губах играла улыбка. Для неё смерть – избавление, для них… тяжкий ка-

мень на душе. – Ну? Как жизни лишать меня будете? Огнём праведным, али водой студёною? А может, каменьями закидаете, люди? Ну? Кто первый?! – Она засмеялась. Страшно и зло. Толпа схлынула, отступила на шаг, люди растеряно зашептались. Кто-то ушёл совсем, кто-то за деревья спрятался, но большинство осталось, стояли стеной, смотрели на ведьму.

Иванка и впрямь сейчас походила на ведьму. Чёрные одежды, бледное до синевы лицо, круги под глазами, растрескавшиеся, бескровные губы, только глаза горели лихорадочным огнём, да развевались на поднявшемся ветру чёрные волосы, отливающие серебром в лунном свете. И смотрела она с превосходством, каждому в душу умудрялась заглянуть, люди в смятении глаза отводить стали.

– Да что с ней разговаривать?! – раздался возмущённый голос в толпе. – В яму её и вся недолга!

– Потап! – по голосу опознала говорившего она. – А не тебя ли я давеча от дурной болезни лечила? Помогли травки? А ты, Настасья? Тебе ли на меня обиду держать? Сынок ничего? Поправляется?

Отступила вглубь толпы смущённая женщина. Иванка подбоченилась, обвела толпу тяжёлым взглядом, улыбнулась.

– Давайте уже! – поторопила она. – Ну! Кто смелый? Кто непотребство совершит?!

Смельчаки нашлись. Завозилась толпа, вытолкнула впе-

рёд двоих дюжих парней, они подошли несмело, обвязали женщину верёвками, спустили в пролом. Так вот какую смерть они для неё избрали! Долгую и мучительную… А и вам счастья не будет! Не сможете с этим жить, люди добрые!

Скользнули верёвки, размотались, втянулись наверх, Иванка зябко поёжилась, здесь, в каменной пасти было не по-летнему холодно. Что ж, ничего. Ей всяко недолго осталось, вытерпит и это. Но как коварны оказались сельчане! Могли же убить быстро, так нет, избрали для ведьмы смерть долгую и мучительную…

Но сжалилась над Иванкой сама природа. Люди не пожалели, а камень бездушный человечнее оказался. Вздрогнула земля, заходила ходуном под ногами сельчан, потонули в скрежете каменных плит испуганные людские крики, и стихло всё, лишь сомкнулись, стены каменного кармана, избавив от долгих страданий несчастную Иванку. В считанные мгновения заволокли небо чёрные тучи, скрыли от глаз людских всевидящую луну, упала на лес страшная гроза.

В панике бежали люди к деревне, к теплу, оставленным без присмотра домам. Издалека увидели они, как полыхает ярким пламенем один из домов, самый богатый, как выяснилось позже, дом Потапа. Увидев, упал он замертво, не в силах пережить потери, да подняться уже не смог, а вдова его, единственная, кто не принимал участия в казни ведьмы, поселилась в избушке на отшибе, как родных растила оси-

ротевших Иванкиных детей. И своих, и её – не разделяя. Да повадилась цветы носить к последнему пристанищу Иванки, на утёс, и разговаривать с ней, рассказывая, какими хорошими растут её ребята.

3

Ночью Лиза проснулась от настойчивого стука в дверь. Звук был негромкий, но раздражающий, он мешал спать, и отмахнуться от него никак не удавалось. Лиза открыла глаза, села на кровати, обвела взглядом тёмную комнату.

Возле двери стоял Ваня и стучал о дверь зажатым в руке кубиком. Настойчиво стучал, будто специально будил. Постучит – замрёт, посмотрит на неё, потом снова стучит. Увидел, что проснулась, обрадовался, улыбнулся робко и неуверенно.

– Ты чего буянишь? – тихо спросила Лиза. Сейчас она не испугалась, готова была к появлению настойчивого призрака, но его бесцеремонное вторжение в сон её разозлило.

Мальчик дёрнул плечом, поманил её за собой ладошкой.

– Мне идти с тобой? – шепотом спросила Лиза, откидывая одеяло.

Он кивнул, нетерпеливо повторил свой жест. Он будто торопил её и злился, что она теряет время на лишние и никому не нужные вопросы.

Лиза сунула ноги в тапочки, оглянулась на мужа и вышла

вслед за мальчиком, плотно прикрыв дверь за собой.

Ваня замер возле комнаты Полины, пальчиком указал Лизе на дверь.

– Туда?

Он раздражённо отбросил в сторону кубик.

– Хорошо, хорошо…

Лиза приоткрыла дверь и охнула. Из комнаты дочери доносились странные звуки. Полина задыхалась, хрипела, приложив к горлу ладони, смотрела растерянно и испуганно в потолок. На секунду Лиза замешкалась, застыла, задержав руку на выключателе, потом метнулась к девочке.

– Полинка, что с тобой, дочка?

Поля ответить не могла, судорожно хваталась за горло, пытаясь протолкнуть воздух в лёгкие. Лизу осенило.

– Ты потерпи, дочка, я сейчас… Кир! – закричала она, вылетая из комнаты. Распахнула дверь в свою комнату, снова закричала, – Кирилл!

Дожидаться ответа не стала, медлить было нельзя. Лиза рванулась в ванную, заткнула слив, открыла горячую воду в душе, высыпала в ванную коробку соды, побежала в комнату Полинки, рывком подняла девочку на ноги, потащила в ванную.

По дороге они столкнулись с Кириллом.

– Что случилось? – спросил он, спросонья ничего не понимая.

– Ложный круп, – буркнула Лиза, заводя Полину в ван-

ную. – Дыши, дочка, давай, сейчас легче станет. Кирилл, «скорую» вызывай!

Он вылетел из ванной, хлопнув дверью, Лиза, усадив Полину на унитаз, схватила стаканчик для полоскания, вытряхнув оттуда забытую Полиной зубную щётку, налила воды прямо из-под крана, протянула Полине.

– Пей, Поля.

Девочка не сразу поняла, что от неё требуется, напуганная, она смотрела в стену и хрипела. Лиза обняла её, поднесла стакан к губам, силой влила воду в рот дочери, та машинально проглотила.

– Давай же! Пей ещё!

Полина выпила. Лиза подхватила её, наклонила к раковине, преодолевая слабое сопротивление, сунула ей в рот пальцы. Девочку вырвало и сразу стало легче, она шумно втянула воздух, обвела ванную, наполненную паром, мутными глазами, задышала часто и хрипло.

– Мама, мама… – сквозь слёзы шептала она. – Что это было?

– Всё хорошо, доченька, теперь всё хорошо… Папа «скорую» вызвал, сейчас подъедут, укольчик сделают, – обнимая Полину, гладя её по голове и целуя белобрысые вихры, шептала Лиза. Только теперь пришло понимание, а вместе с ним и страх. Она вдруг поняла, что случилось бы, не разбуди её Ваня. – Ты главное дыши, дочь, дыши, родная, садись поближе к ванной и дыши паром, – просила она, а слёзы текли и

текли по щекам безудержным потоком.

В ванную заглянул Кирилл. Он был одет, в руках держал телефон.

– «Скорая» вот-вот подъедет, – сказал он. – Как вы? Что случилось?

– Всё. Уже всё… – Лиза устало опустилась на унитаз, увлекая за собой девочку. – Это был приступ. Ложный круп.

– Что это такое?

– Сама толком не знаю. Отёк гортани, кажется. Мне в роддоме соседка по палате рассказывала, что её старший ребёнок страдает этим. Рассказывала, как приступ снимает. Я и не слушала вроде, а вот вспомнилось… Полин, тебе легче?

Девочка кивнула.

– Я в кровать хочу… – шёпотом сообщила она.

– Кир, отнеси её, думаю, уже можно. Приступ мы сняли.

Он подхватил дочь на руки, Лиза пошла к себе в комнату, встречать врачей в ночной сорочке, еле прикрывающей попу, не хотелось. Надо одеться.

Ваня стоял у детской кроватки, прижавшись лицом к прутьям, а из кроватки на него смотрел Максимка. Не плакал, не кричал, смотрел серьёзно, а потом вдруг улыбнулся ему. Улыбнулся и Ваня. Со стороны выглядело, что ведут эти двое молчаливый диалог и, как ни странно, понимают друг друга.

– Спасибо тебе, Ванюша, – шепнула Лиза. – Если бы не ты…

Ваня, улыбнувшись, махнул рукой, пустяки, мол. Лиза накинула халат, взяла трубку радионяни.

– Вань, ты побудешь с Максом? Я могу на тебя рассчитывать?

Ваня серьёзно кивнул.

– Спасибо, – улыбнулась Лиза, выскальзывая из комнаты.

«Скорая» приехала быстро. Хоть приступ и купировали до приезда бригады, врачи настаивали на госпитализации. Переглянувшись с мужем, Лиза кивнула. Всё-таки в больнице девочка под присмотром врачей будет, так, наверное, надёжнее, ведь если бы Ваня её не разбудил… Ох, страшно подумать, что было бы.

– Лиз, я поеду с ними, оформлю Польку в больницу, а ты дома с Максом оставайся, – решил Кирилл.

– Да. Надо вещи собрать, документы… Я быстро.

Десять минут ушло на сборы, ещё пять, и Лиза осталась в доме одна. Уехала машина скорой помощи, следом за ней Кирилл, Лиза вернулась в комнату, заглянула в кроватку. Максимка спал, чему-то улыбаясь во сне, Ваня сидел на подоконнике и лениво качал ногой. Кубики горкой высились рядом.

– Спасибо тебе, Ванюша, – подошла к мальчику Лиза. – Если бы не ты…

Он улыбнулся и исчез.

В приёмном покое Кирилл провёл полтора часа, он даже предположить не мог, что оформление ребёнка в больницу

такая муторная процедура. Анализы, осмотры, снова анализы. Поля сидела на жёсткой банкетке, измученная и поникшая, дремала, привалившись плечом к отцу. Он обнимал её, гладил по голове, пытался подбодрить, растормошить хоть чуть-чуть, она кивала, зевала, прикрыв рот ладошкой, дышала тяжело.

– Пап, это ведь ненадолго? – в который раз спрашивала она.

– Нет, доча. Врачи говорят, понаблюдают недельку и отпустят.

– Вы с мамой будете ко мне приходить?

– Нельзя, Полин. Мы бы с радостью, но в инфекционное отделение не пускают посетителей. Ничего, маленькая моя, ты даже соскучиться не успеешь.

– Успею, – ворчливо отвечала девочка. – Я уже скучаю…

– Мы будем приносить тебе разные вкусности и писать письма. И потом… есть же телефон и интернет, мы всегда сможем созвониться или поговорить по скайпу.

– Обещаешь приехать завтра?

– Обещаю.

– А мои любимые мармеладки привезёшь?

– Ну конечно привезу. И не только их.

– Хорошо. Тогда ладно, полежу недельку в больнице, – вздохнула девочка. – Па… я так люблю вас. Тебя, маму, Максимку, бабушку… – в полудрёме принялась перечислять она.

– Мы тебя тоже очень любим.

Кирилл посадил дочь на колени, она заснула, свернувшись уютным калачиком на руках отца, а он сидел и думал, с чего это Лиза решила ночью заглянуть в комнату к Полине. Девочка уже большая, спит крепко, проверять её ночью нет необходимости. Он хотел позвонить жене, но на его руках спала дочь, доставать телефон, значит, потревожить её. Ладно. Лизе он позвонит позже, когда Полину уведут в палату.

4

Кирилл ехал по пустынным ночным улицам. Жизнь в их шумном, многолюдном городе будто замерла, вымороженная небывалыми холодами. Но сегодня ночью, вопреки пессимистичным прогнозам синоптиков, всё изменилось. Мороз отступил, заметно потеплело, и пошёл снег. Тихо было на улицах, безветренно, снежно. Кирилл смотрел на снежные хлопья сквозь лобовое стекло и вспоминал, как расстраивалась до слёз маленькая Полина, когда видела снег, падающий вот такими же как сейчас крупными хлопьями. Она утверждала, что это ангелы теряют перья из крыльев, и от того ей делается грустно… Сколько ей тогда было? Три? Сейчас и не вспомнишь… Но каждый раз Кириллу приходилось одевать дочку и выводить на улицу, где они вместе ловили руками снежинки, смотрели, как тают они на горячей ладони, и девочка переставала грустить, снежинки уже не казались перьями…

Мерно урчал мотор, шуршали щётки, сметая снег с лобового стекла, мигали светофоры. Город спал, укутанный снежным покрывалом. Сегодня даже светофоры были благосклонны к Кириллу, ни разу не попался ему в пути красный свет…

До дома оставалось совсем чуть-чуть. Снова перекрёсток, снова зелёный свет…

Откуда ни возьмись, на дорогу прямо перед автомобилем выскочил ребёнок. Выскочил, повернулся к машине, вскинув вперёд ладони. Кирилл ударил по тормозам.

Истошный визг тормозов разорвал тишину ночи, машину занесло на скользкой дороге, закрутило, но Кирилл справился, вывернул руль, автомобиль юзом прополз ещё несколько метров и остановился, налетев колёсами на бордюр. Кирилла кинуло на руль, но от сильного удара уберёг ремень безопасности, а по перекрёстку, игнорируя красный сигнал светофора, пронеслась, виляя из стороны в сторону, огромная фура.

– Что за хрень?! – выругался Кир. Отстегнулся, выбрался из машины, не понимая, куда делся ребёнок. Неужели сбил?!

Под колёсами никого не было, более того, снежный покров тротуара оставался девственно чист и не тронут следами. Но ребёнок же был! Не галлюцинация же это! Он выскочил на дорогу и… приказал Киру остановиться? Отказываясь понимать что-либо, Кирилл заглянул под машину, обошёл её кругом. Нет ребёнка нигде. И, кажется, не было…

Что за ерунда?

Пожав плечами, Кирилл сел за руль, дождался зелёного сигнала, свернул. Фуру он обнаружил через улицу. Она нашла свою жертву, влетев в аптеку, расположенную на первом этаже жилого дома.

Кирилл остановился, бросил машину на обочине и помчался к фуре. Он скинул куртку, намотал её на руку, выбил остатки витринного стекла, подобрался к машине и только сейчас заметил, что уже не один. Рядом суетились ещё двое мужиков, разгребая завал, мешающий подобраться к водительской кабине.

– Скорую вызовите. И гайцов! – крикнул Кирилл в темноту, услышал, как кто-то закричал в трубку, рванул на себя дверь кабины.

Вышло не сразу. Водительская дверь не поддалась, пришлось пробираться с другой стороны.

– Мужик, ты живой там?

Никакого ответа.

Забравшись в кабину, Кирилл приложил пальцы к шее водителя. Пульс прощупывался, хоть и с трудом. Удовлетворённо кивнув, Кирилл попытался привести водителя в чувство, но довольно ощутимые шлепки по щекам ничего не дали. Кирилл выругался. Пошарил в потёмках за водительским местом, наткнулся на одеяло, скинул его на руки помощников.

– Сейчас водителя вытаскивать буду, принимайте.

– Он пьяный что ли? – спросили снизу.

– Не похоже… Запаха нет.

– Может… это… «Скорую» дождаться? Не навредить бы… – неуверенно продолжил тот же голос.

– Нет времени, – нехотя буркнул Кирилл. – Принимайте осторожно…

Ему казалось, он возился с водителем фуры практически до утра, тот был невероятно тяжёлым, и чего стоило Киру протащить его до раскрытой двери, кто бы знал…

– Эй, вы там ещё?

– Да. Ждём…

– Принимайте, только аккуратно, он тяжеленный, и сразу на одеяло кладите.

Спустив вниз водителя, Кирилл выбрался сам. Подхватил край одеяла, следом за остальными спасителями двинулся к пролому. И как раз вовремя. Подъехала «Скорая». Оказалось, что спасение водителя заняло всего-то пятнадцать минут. А город ожил. На улице гудела, обсуждая аварию, многолюдная толпа. И откуда столько народу набежало? Ночь же глубокая… мысли уплывали, не давая сосредоточиться ни на чём, взгляд выхватывал из толпы незнакомые лица, но не различал их, они казались пятнами, одинаковыми и безликими…

Кто-то подскочил к Кириллу.

– Вам плохо?

– Да не…, – отмахнулся он и, не в силах удерживаться на

ногах, опустился на снег. Едкий запах ударил в нос, Кирилл замотал головой, вяло отбиваясь от чьей-то руки, поднёсшей к его лицу вату, пропитанную нашатырём. Наклонился, зачерпнул ладонями снег, погрузил в него лицо, почувствовал, как возвращаются мысли… – Я в порядке! – огрызнулся он на очередной вопрос. – Водителю фуры помощь требуется.

– Его увезли уже. С инфарктом.

– Живой?

– Да. Состояние тяжёлое, но живой.

– Отлично. – Кирилл снова зачерпнул снег ладонями, потёр снегом лицо, снова отмахнулся от чьих-то рук. – Всё, всё!

Он поднялся, дошёл до своей машины, сел за руль, посидел немного, окончательно восстанавливаясь, достал телефон.

– Ох… Лизка восемь раз звонила! – он набрал ей. – Лизунь, ты только не волнуйся. Тут авария была… Да нет, нет же! Не со мной… я просто мимо проезжал, помог. Не волнуйся, скоро дома буду.

Они сидели на кухне за столом. В кружках стыл кофе, а они смотрели друг на друга и молчали.

– Кирюш, может, расскажешь, что произошло? – наконец нарушила молчание Лиза.

Он отрицательно покачал головой.

– Сначала ты. Как узнала, что Польке плохо?

– Это Ваня меня разбудил. Буквально заставил за собой следовать…

– Я так и подумал. Напомни мне, во что он одет?

Лиза посмотрела на мужа в недоумении.

– Зачем тебе?

Он не ответил, смотрел выжидающе.

– В футболку с покемоном. Линялая футболка, голубая, кажется, или бирюзовая, не разобрать, и на груди покемон жёлтый. Шортики короткие, синие.

– Понятно. – Кирилл приложил к глазам ладонь, надолго задумался, вспомнил, наконец, о кофе, глотнул, поморщился. – Лизунь, он, в смысле Ваня, сегодня, походу, не только нашей Полинке жизнь спас. Ещё и мне.

– Как это? – забирая у мужа чашку и выплёскивая остатки остывшего кофе в раковину, спросила Лиза.

– Я на зелёный ехал, а тут мальчишка. Возник будто из воздуха, под колёса бросился. Я остановился, а в этот момент… фура на красный пролетела. Если бы я успел повернуть, как раз бы встретились. Она бы смяла мою большую и надёжную машинку как банку из-под кока-колы.

– Ой! – Лиза выронила чашку из рук, повернулась к Кириллу всем корпусом, забыв о разбитой чашке и льющейся воде. – А мальчик?!

– Лизка, соображай быстрее! Это не мальчик был, там вообще никого не было. Совсем никого! Это Ванька наш. Голубая футболка с жёлтым покемоном, синие шорты, босые ноги. И ни следочка вокруг, только снег нетронутый.

– Ты его видел?!

– Да, кажется.

– Но как?!

– Сам не понимаю. Я, в отличие от некоторых, самый обычный человек, так как же я смог увидеть его?! Не понимаю!

– Так, наверное, бывает, Кирюш. Даже подумать страшно, что ты… – Лиза закрыла рот ладонью, будто сорвавшиеся с языка слова могли навредить. Даже говорить о том, что Кирилл снова оказался на грани гибели, было страшно. Чистая случайность на дороге, а для её мужа она могла стать роковой. – А что с водителем фуры? – взяла себя в руки Лиза. – Он пьян был?

– Инфаркт. Подумать только, какие-то секунды… Лизунь, мы просто обязаны теперь помочь Ване.

– И так бы помогли, знать бы чем. Он же молчит, ничегошеньки не говорит. Всего-то удалось узнать, что зовут его Ваней, и что пять лет ему.

– И погиб он летом, судя по тому, как одет был. Есть у меня одна мыслишка… – Кирилл задумался.

– Какая?

– Завтра же военный совет соберём.

– Что нам это даст? – с сомнением глядя на мужа, Лиза присела на краешек стула. – Раз со мной он не говорит, с остальными и подавно не станет. Его просто никто больше не увидит.

– Ну смотри… Ритка в органах работала, соответственно,

может пробить все несчастные случаи за прошлое лето. Глеб журналист, в газете тоже, вполне может статься, информация какая была. Раз не говорит Ванька, сами попытаемся что-то нарыть.

– А ты не подумал, что это могло быть вовсе не прошлое лето? Может, он уже не один год бродит, ищет, кто помочь ему способен. Покемоны были популярны лет десять назад, а то и больше… так что всё может быть.

– Не подумал я об этом, твоя правда, но попытаться-то стоит.

– Ну хорошо. Это лучше, чем ничего. Утром позвоню Ритке, пусть с бывшими коллегами свяжется, глядишь, и добудет информацию.

– Ты права, нечего время терять, я тоже с Глебом с утра свяжусь. А уж вечером соберёмся у нас, обсудим всё.

«Военный совет» был назначен на семь часов вечера. В половину седьмого приехал Глеб. Он явился один, без семейства, объяснив это тем, что на территории его жилища открыт филиал клинической больницы. Разболелись все: обе девчонки – и Яся, и Сашка, тёща, жена. За жену Глеб переживал особо, всё же беременная, медикаментозное лечение ей противопоказано, приходится народными средствами лечиться. Не так давно Глеб, продав свою «холостяцкую берлогу» в городе и существенно потрепав собственные счета, довольно внушительные, благодаря бесконечным командировкам в горячие точки, приобрёл таунхаус в том же посёлке,

где проживали друзья, но ремонт в доме затягивался, приходилось временно жить всей оравой у Иркиной матери.

Ближе к семи подошли Антон Рита и Макар. За ними в холл нырнула кошка Маруська. Как же без неё, она здесь частой гостьей была. Приходила вместе с хозяевами, иногда и сама забегала, у Лизы всегда находилось для неё угощение.

Но сегодня кошка повела себя странно. Выбила шубку в коридоре, побежала к гостиной, занимать любимое место возле тёплого каминного бока, но резко остановилась у входа, будто на стену налетела. Припала к полу, вздыбила шёрстку, прижала уши к голове, зарычала глухо и утробно, застучал по паркету длинный полосатый хвост.

– Чего это она? – удивилась Рита, а кошка, перетекая с места на место по странной, одной ей понятной траектории, двинулась к окну, при этом рычание её становилось всё более угрожающим. В нём клокотала ярость, и слышалась явная угроза. Кошка готовилась к атаке. Вот только на кого? В комнате кроме Глеба и Кирилла никого не было, но на них кошка внимания не обращала, гости зайти не успели, так же, как и хозяйка, вышедшая встречать. И только ей, Лизе, было понятно, на кого готовит атаку смелый зверёк.

Ваня сидел на подоконнике, качал ногой, дразня кошку, и смеялся, думая, что зверёк играет с ним. Вот спрыгнул с подоконника, присел на корточки, занёс ладонь над кошачьей головой. Кошка буквально взревела, но напасть не посмела, сжалась вся под призрачными пальчиками, замерла,

вжав мордочку в пушистый ковёр.

Никто кроме Лизы не видел, что происходит в комнате, лишь наблюдали, как по кошачьей шкурке, от головы и до самого хвостика, бегают электрические искорки. Не выдержала Маруська, жалобно мявкнула и стрелой метнулась под диван, затаилась там. Все, кто находился в комнате и наблюдал странную картину, выдохнули, переглянулись в недоумении.

– Лиз, а что происходит? – не заметив удивления в глазах сестры, поинтересовался Антон. – Ты, кажется, понимаешь больше, чем все мы вместе взятые.

– Потом. Я всё расскажу потом, после ужина. Собирайтесь к столу, пока не остыло, у нас всё готово.

– А Полинка где? – спросила Рита. Она подхватила из коляски проснувшегося Макса, заворковала над ним, с ним на руках и за стол уселась.

– Полинка в больнице. У неё приступ ложного крупа был ночью, мы «скорую» вызывали. По «скорой» и отправили в больницу.

– Что такое ложный круп? – нахмурилась Рита. – Впервые слышу.

– Я тебе потом расскажу. Сегодня нам есть о чём поговорить.

– Кажется, новое дело намечается? – хмыкнул Антон, переводя взгляд с Лизы на Кирилла и обратно. Оба сосредоточенные, озадаченные чем-то… и кошка… она, ласковая и спокойная, ни разу не была замечена в агрессии, что нашло

на неё сегодня?

За ужином разговаривали ни о чём. Глеб рассказывал, как ремонт в доме продвигается, что переезд планируют к концу учебного года, чтобы девчонок одну с уроков другую с детского сада не срывать, о том, что Яське снова школу менять придётся, в этой прижилась вроде, но ездить от нового жилища далековато, а Сашке повезло больше, в первый класс уже здесь пойдёт. Рита рассказывала, что уже неделю водит Макара в детский сад пока на два часа, а с сентября на целый день оставлять станет, что возвращаться в полицию она не собирается, раз в собственной беде оказалась беспомощна, то, как она может помочь другим? Нет уж, пусть Тоха работает, а на ней дом будет и дети… Пусть не сейчас, но второго ребёнка она планирует, пока ей и Макарки хватает, она глаз с него не спускает, вдруг похитят снова. Антон еле уговорил мальца в садик отдать, Рита отводит его, а сама в машине у входа сидит все два часа, беспокоится. Паранойя, конечно, она понимает, но сынишку старается всё время при себе держать. Так спокойнее.

– Так что случилось у вас? – спросил Глеб, когда с ужином было покончено и на столе появились чашки с чаем и кофе.

– Нет, – мотнул головой Кирилл, подхватывая со стола кофейную чашку. – Сначала вы. Удалось что узнать о мальчике Ване?

– Немного. – Глеб нахмурился. – Но да, прошлым летом была одна странная история в городишке неподалёку от на-

шего… Тело пятилетнего Вани Сенцова было выловлено из реки. Он упал с обрыва на камни и погиб. Несчастный случай.

– А в чём странность истории? – уточнила Лиза. – Вроде всё предельно ясно.

– Да не совсем… Причину смерти мальчика сразу квалифицировали как несчастный случай, журналистов близко к этому делу не подпустили, а дело по факту гибели мальчика завели и тут же закрыли. То есть никто ни в чём разбираться не стал, даже обстоятельства смерти установлены не были.

– Скажу больше, – вмешалась Рита. – Дело было возбуждено, это правда, по таким происшествиям всегда уголовка работает, но его тут же закрыли, списав гибель мальчика на несчастный случай, и повлиял на это отец Вани – майор полиции. Когда при невыясненных обстоятельствах погибают дети, дела, как правило, расследуются особо тщательно, следователи с оперативниками, как говорится, землю носом роют, и на расследовании настаивают в первую очередь родители, а тут… вот так просто взял и смирился, признал гибель единственного сына несчастным случаем, кажется, ещё до вскрытия. Он сказал, что Ваня слабоумным был, бродил вечно где-то, убегал из дома, вот и… печальный итог. Со скалы сорвался, подумаешь… – с сарказмом закончила свой рассказ Рита, – с кем не бывает… А почему вас этот Ваня так заинтересовал?

Лиза, не отрываясь, смотрела на подоконник.

– И вовсе не слабоумный он! – сказала она. – Не говорил просто, но всё-всё понимал… Ванечка, покажи мне, что с тобой случилось?

Все замерли в оцепенении, глядя в ту же сторону, что и Лиза, но, как ни старались, разглядеть ничего не сумели. А Ваня вздохнул, поднялся на ноги, вскинул вверх руки, оттолкнулся босыми ногами и… спрыгнул с подоконника.

– Ребят…, – запнулась Лиза. – Прикиньте, это самоубийство было… но как?! Ему всего пять лет было! Невероятно!

– Лиза, – позвал сестру Антон. – Может быть, отвлечёшься от созерцания невидимого и обратишь внимание на нас? Мы ничего не понимаем! Кирилл… Лизка не в себе, похоже, может, ты расскажешь?

– Да, собственно, тут и говорить нечего. Появился в нашем доме призрак. Мальчик Ваня. Он чего-то хочет от нас, помощи, наверное, а мы не знаем, чем ему помочь, поскольку он не говорит. Только имя смог назвать, сложил из призрачных кубиков, и возраст, ладошку растопырив… Всё. Больше мы ничего не знаем о нём. И… самое главное… это он забил тревогу, когда Полинке плохо стало. Разбудил Лизу, позвал её в комнату к Поле…

– А ещё ночью Кир чуть в аварию не попал, опять же, Ваня его спас, – подхватила повествование Лиза. – Кирилл из больницы ехал, а тут ребёнок на дорогу выскочил. Кир затормозил, это ему жизнь спасло, уберегло от столкновения с фурой.

– Это с той, что в аптеку влетела? – в недоумении уточнил Глеб. – Весь город гудит. Говорят, водитель пьяный был или под наркотой.

– С той, – подтвердил Кирилл, – вот только не пьяный он был, у него инфаркт случился.

– И ты что же, призрака видел?

– Выходит, что так. Так что там, с самоубийством, Лиза?

– Он сам спрыгнул, но, когда я говорю о самоубийстве, головой отрицательно мотает. Ничего не понимаю. Спрыгнул сам, но умирать не хотел, так получается…

– Может, заставили?

– Нет, он снова головой качает… не понять.

– Дело ясное, что дело тёмное, – резюмировал Глеб. – Кир, ты завтра на работе сильно занят? Может, прокатимся туда, где мальчишка жил, поспрашиваем аборигенов, вдруг расскажут что?

– Да, Глеб. Сам хотел предложить. Надо к его родителям наведаться, с ними побеседовать. Скажем, что журналисты, очерк хотим написать…

– Не… не тянет. Тут по факту банальный несчастный случай, сколько детишек в результате собственной глупости погибает, родители не поймут, почему нас именно Ваня заинтересовал.

– Ну а если мы статистику проводим, и Ванин случай всего лишь один из многих, затронутых в статье. Так лучше?

– Не знаю, Кир. Тут подумать надо. У меня папаша маль-

чика подозрения вызывает. Вернее, не подозрения, нет, но настораживает что-то… Может то, что он расследование свернул? Это странно. Действительно странно. Когда подобное случается, родители до последнего бодаются, пытаясь выяснить обстоятельства гибели, сами свидетелей ищут, улики, пытаются как-то картинку восстановить, а тут… нелогично как-то.

– Вот, и я о том же! Я бы, Глеб, ещё с соседями поговорил, чтобы представление иметь о семье мальчика. Что-то есть такое во всей этой истории… опять же, Ваня просит о помощи. О какой? Может, разобраться во всём требуется? Но ему, по сути, уже всё равно… – Кирилл посмотрел на жену. Она кормила Максимку, тот жадно присосавшись к бутылочке, с аппетитом поглощал молочную смесь. – Лизунь, а Ваня тебе никак показать не может?

– Что? – отвлеклась Лиза. Максим потерял бутылочку, засопел недовольно.

– Что с ним случилось. Помнишь, Ви тебе показывала, как она погибла?

– Помню, конечно. Вот только как ей это удалось, она не рассказала. Мне кажется, если бы Ваня мог, давно бы показал всё, что считает нужным.

– Жаль. Зная обстоятельства гибели Вани, мы бы хоть предположить могли, с какой стороны начинать раскручивать это дело, а так придётся наобум действовать, искать непонятно что.

– Нам не привыкать, – усмехнулся Антон. – Мы что в первый раз искали по наитию, что во второй… Так даже интереснее.

– Кому как! – огрызнулась Лиза, – Кто-то жизнью рисковал, причём и в первом, и во втором случае.

– Лизунь, дело прошлое, – поморщился Кирилл, – Забыли.

Лиза с досадой дёрнула плечом, поставила на стол пустую бутылочку.

– Я никому не в упрёк вспомнила. – Она потёрла пальцем висок, заправила за ухо прядь волос. – Просто как-то так выходит, что именно я уже в третий раз всех втягиваю в какой-то жуткий нелепый квест, слишком опасный, слишком реальный, чтобы относиться к нему как к игре…

– Не ты, – поправил её Антон. – В первый раз дед Тихон с семейным проклятьем подсуетился, а во второй… Пожалуй, там мы с Риткой всех подставили, ведь именно нашего сына похитил магистр. Не понимаю, почему во всем, что происходит, ты всегда винишь себя?

– Потому что все эти призраки… только я их вижу.

– И что? Макара похитили вовсе не призраки, а вполне реальный, живой человек.

– К тому же, с чего ты взяла, что история мальчика Вани окажется такой же опасной, как две предыдущие? – забирая у жены Максимку, спросил Кирилл.

– Вот не поверишь! Предчувствие! – сердито огрызнулась

Лиза.

– Это аргумент. Но не обоснованный. Давай-ка, жена, проблемы решать по мере их поступления, а не накручивать себя заранее.

– Давайте подведём итог, – предложил Глеб. – Итак… мальчик Ваня Сенцов пяти лет. Погиб в августе прошлого года. Жил в многодетной семье, там, помимо него ещё пятеро. Проживал в частном доме в пригороде райцентра. Отец его – майор полиции Сенцов Владимир Васильевич – уважаемый человек в районе, родился и вырос всё в том же пригороде. Мать тоже местная… вот кажется и всё. Да. Все остальные дети в семье – девочки.

– Не густо, – с досадой хмыкнул Кирилл. – Ладно, будем надеяться, что поездка в райцентр внесёт ясность.

– Или запутает всё окончательно, – ворчливо пробормотала Лиза. – Вы сидите, не разбегайтесь по домам, а я пойду Макса укладывать.

5

В путь отправились на машине Кирилла. Он заехал за Глебом, тот уже ждал его у подъезда. Погода выдалась мерзкая, морозы и снегопады сменились сильной оттепелью с холодным дождём. За сутки просели сугробы, грязный снег медленно таял, прохожие месили его ногами, превращая в кашу, по дорогам, разбрызгивая колёсами жидкую грязь, мча-

лись чумазые автомобили, заляпанные этой самой грязью по самую маковку. Вот уж радость так радость, отправляться в путь по такой погоде!

Глеб запрыгнул в салон, нахохлился, застыл на пассажирском сиденье.

– Может, не сегодня? – страдальчески протянул он. – Кир, может, по домам?

– Поздняк метаться, – так же хмуро бросил Кирилл, – Поехали уже. Адрес не потерял?

– Не… я запомнил.

– Штурманом будешь.

– Кир, а ты чего это сегодня не в духе? Случилось что? Или из-за погоды?

Кирилл пожал плечами, раздумывая, говорить или нет. Кое-что произошло, но он сам ещё не успел понять и осознать новости, свалившиеся на голову прямо с утра.

– Да отец звонил, – нехотя отозвался он.

– И как ему живётся в Австралии?

– Хорошо живётся, сыто и солнечно. Вот от такой дряни, – Кирилл кивнул за окно, – он точно давно отвык. И всё у него хорошо, только сынишка лютует.

– Братец твой?

– Ну типа того… – объезжая лужу, вывернул руль Кирилл. – Братец… которого не видел никогда. Ещё две сестры имеются в наличии, одна Полинке моей ровесница, другой только-только четыре года стукнуло. Так вот… Переходный

возраст у Марка, бушует он не по-детски. Учиться отказывается наотрез, общаться с ровесниками тоже, сидит взаперти целыми днями, ни с кем не разговаривает, сестёр третирует.

– Не понимаю, к чему ты клонишь? Чем ты можешь отцу помочь, когда вы живёте с Марком на разных континентах?

– Вот! Зришь в корень, Глебка! Это стихийное бедствие, в быту именуемое Марком, вбило себе в голову, что Австралия ему для жизни не подходит категорически. Догадываешься, куда парниша метит?

– Неужто к тебе?! – ахнул Глеб.

– В десяточку! Он уже несколько лет бредит Россией, а теперь ультиматум отцу выдвинул: либо он в России жить будет, либо покорно терпите, родители, все его выходки. Кроме меня у отца никого в России не осталось, вот и созрело в семейке единственное, на их взгляд, верное решение, спихнуть неуправляемого Марка ко мне на ПМЖ. Даже конца учебного года не дождались и быстренько, не заручившись моим согласием, братец закрыл все хвосты и сдал необходимые для перехода в следующий класс экзамены. Как тебе это нравится?

– Попал ты друг, вот что я тебе скажу.

– Ага! Сам в шоке. У меня дома имеется собственное мини-торнадо в лице Полины Кирилловны, младенец Максим, одного месяца от роду, жена со сверхспособностями, а также с недавних пор призрачный мальчик Ваня. Вот только Марка нам для полного боекомплекта не хватает!

– Там он сестёр третировал, здесь Полинку изводить начнёт?

– А вот это вряд ли. При таком раскладе я бы на дочь ставку сделал. Тут в другом вопрос… что я-то с ним делать буду? По сути, он мне никто. Ну кровные узы, это понятно всё… пустое, он всего лишь сын моего отца, я о нём только по отцовским рассказам знаю, сам даже по телефону не общался никогда. Вот и на кой мне головная боль в виде пятнадцатилетнего охломона, вздорного и неуправляемого? – Кирилл остановился на светофоре, посмотрел на друга каким-то затравленным взглядом, отвернулся. Внутри всё бушевало и клокотало, Глеб видел, какие эмоции переживает сейчас Кирилл, хотелось помочь, поддержать, но что тут скажешь?

– Ты согласился? – только и спросил Глеб.

– А что мне оставалось?! – в голосе отчаяние, ладони ударили по рулю, машина рывком ушла с перекрёстка… – Я отцу всем обязан. Всем, что сейчас имею. Бизнес, квартира… он всё мне оставил, а мог бы продать и укатить с денежками. Нет, конечно он не пустой уехал, но и я начинал бизнес не с нуля, а имея хороший фундамент. Так что, я вынужден был согласиться.

– Лиза знает?

Кирилл отрицательно покачал головой.

– Даже не знаю, как сказать ей об этом. Боюсь.

– Чего? Что твоего решения не одобрит? – хмыкнул Глеб. – Вот уж вряд ли!

– Да нет… Расстроить её боюсь. Ну представь, и так весь дом на ней, а тут ещё лихо австралийское прибудет, чудить начнёт, куролесить. Это он дома отцу обещает, что тут паинькой станет, но подобным обещаниям грош цена. Он привык к одной жизни, здесь, в России, всё иначе, да и в каждой семье всё по-своему. Вот и думай, как угодить вздорному недорослю, которого все пятнадцать лет баловали, сдувая пылинки. Это ж у нас ребёнка можно отшлёпать, отругать, в угол поставить, и никому дела нет, никто в процесс воспитания не лезет, у них всё по-другому. У них воспитательный процесс рассматривается как посягательство на личное пространство ребёнка, за шлепок по попе могут дитятко просто изъять из семьи, передать в другую, вот и прыгают родители перед отпрысками на задних лапках, стараются.

– Представляю, кого они вырастили…

– А мне с этим жить, – мрачно усмехнулся Кирилл. – Да ладно мне, я на работе, а вот Лизке придётся все его выкрутасы терпеть…

– Ох, сдаётся мне, Кирюх, ты не прав. Твои девчонки очень быстро перевоспитают пацана, вот увидишь… – Глеб улыбнулся. – Ну что, скоро уже приедем. Сейчас будет большой тягун в гору, а уж на горе и находится деревня, с символичным названием «Пастушья горка». Интересное название, правда?

– Угу, – рассеянно отозвался Кирилл. Мысленно он был далеко от искомого населённого пункта с интересным назва-

нием. – И большая деревня?

– Ну как деревня… Это посёлок городского типа. Несколько улиц с домами в три-пять этажей – это центр, а нам с тобой окраина нужна, частный сектор. Это почти на въезде. А сразу за посёлком город начинается.

Кирилл кивнул, не ответив.

Дом действительно оказался на самой окраине деревни, вернее даже не дом, обширный участок, обнесённый глухим металлическим забором, выкрашенным в ярко-зелёный цвет, дома за ним видно не было. Над калиткой висела табличка с названием улицы и номером дома.

– Фу, как пошло, – презрительно скривился Глеб. – В наше время зелёный забор… мерзость какая.

– Вот ты со своим ремонтом сдвинулся… – усмехнулся в ответ Кирилл, – Дизайнером стал, никак не меньше! Может, хозяин движение Гринпис поддерживает? Или цвет зелёный уважает, нам-то что за дело?

– Решительно никакого, но он уже потерял вес в моих глазах.

На звонок чуть приоткрылась зелёная дверь, выглянула из-за забора любопытная детская мордочка. Из-под пуховой, невероятно пушистой шапки и широкого шарфа наружу торчал остренький веснушчатый носик и яркие зелёные глаза.

– Привет, пушистик, – улыбнулся Кирилл. – Ты кто?

– Я Светка. А вы, дяди, кто?

– А мы… мы, наверное, к папе твоему. Сенцов Владимир

Васильевич папка твой?

– Да, – девочка загрустила, задумалась. – Я позову его, а вы… подождите на улице.

Не прошло и пяти минут, как к ним вышел высокий, крупный мужчина в толстом свитере и спортивных брюках.

– Вы ко мне? – он окинул обоих внимательным взглядом, прищурился, внимательно изучая протянутую Глебом «корочку». – Журналисты, значит… По какому вопросу?

Глеб начал туманно, долго и путано объяснять, что пишут они статью о детской смертности, произошедшей из-за несчастных случаев, что по задумке Ваня является одним из персонажей статьи, а соответственно, хотелось бы побольше узнать о нём.

– Да что же вам всё неймётся-то?! – в сердцах перебил Глеба мужчина. – Что ж вы никак мальчонку в покое не оставите?! Лезете… лезете…

Кирилл успел подумать, что вот сейчас калитка перед ними просто захлопнется, но мужчина посторонился, пропуская их во двор.

– Ладно, в дом ступайте, поговорим.

Дважды повторять не пришлось, Глеб, а за ним и Кирилл вошли на просторный двор. Пока шли до низкого одноэтажного дома, расположенного в глубине участка, Кирилл с недоумением озирался, разглядывая всё вокруг, и никак не мог понять, что именно кажется ему странным. Но что-то во дворе казалось неправильным, ненастоящим. Казалось,

будто двор является декорацией к фильму. Вот закончатся съёмки, и всё здесь разберут, оставив за кадром симпатичную полянку на опушке… Под ногами чисто выскобленный деревянный настил, доски местами прогнили, потрескались, прогнившее крыльцо, на нём – коврик, сплетённый из старых лоскутов – яркий, разноцветный, но какой-то… унылый, кричащий о крайней степени нищеты. Прошли в дом, разулись в сенях. Тапочки уж конечно, никто гостям не предложил.

– В горницу проходите, – неприветливо буркнул Владимир Сенцов, отпихнув с дороги беременную женщину и льнущую к ней девчушку. – В комнате сиди и не высовывайся! – вполголоса, но очень грубо приказал он. В большой комнате небрежно махнул рукой, указывая гостям на стулья у стола. – Присаживайтесь. Спрашивайте.

Обстановка в комнате была проста и незатейлива: стол посреди комнаты, два дивана, оба советских времён, огромный полированный шкаф, штопанные занавески на окнах. На стенах пёстрые ковры, лавка под окном, на подоконнике детская фотография в дешёвой рамке… Кирилл сразу зацепился взглядом за снимок, с него смотрел тот самый мальчик, что выскочил на дорогу перед машиной. Хмурый, неулыбчивый с тревожным совсем не детским взглядом, но это определённо был Ваня.

В комнате было жарко, Владимир Сенцов стянул с себя свитер, бросил его на лавку, заметил фото на подоконнике,

поставил перед гостями, даже не взглянув на сына.

– Вот он, Ванька… всё, что осталось от него… – показалось, или отец действительно раздавлен горем? – У нас ведь с женой девчонок пятеро, пацан один был… – он отвернулся от собеседников, прикрывая ладонями лицо. Глеб с Кириллом переглянулись. Кир нахмурился, пожал плечами, а Владимир продолжил, – Простите… до сих пор в себя прийти не могу. Он родился нормальным, мы с женой нарадоваться не могли, смышленый, заговорил рано, а потом… что-то произошло, он изменился, другим стал. Замкнутым, злобным, истеричным. Говорить перестал. Врачи диагноз поставили – задержка психического развития, что с этим делать, они не знали. Говорят, всё развилось на фоне болезни, в три года мальчик перенёс пневмонию в тяжёлой форме, не знаю…

Кирилл достал блокнот, раскрыл его, принялся карандашом черкать в нём что-то, оставив вести переговоры Глеба.

– Ну а лечить мальчика вы не пытались? – покосившись на друга, взявшего самоотвод, спросил Глеб.

– Что толку? Врачи сказали, что он безнадёжен, а мы смирились. – Он уронил на стол тяжёлые ладони, подтянул к себе фотографию, мельком посмотрел на детскую мордашку. Поникли плечи, подёрнулся туманом взгляд… – Здесь Ванька болен уже. Видите, какой он? Как зверёк… Он и вёл себя так же, всё время куда-то прятался, убегал. Анжелка с ног сбилась, его разыскивая. А потом вот… несчастный случай.

– И вы вот так сразу поверили, что это именно несчастный

случай? – не отрываясь от блокнота, подал голос Кирилл.

– Это действительно кажется странным, – подхватил Глеб. – Обычно родители сомневаются до последнего. До тех пор, пока доподлинно причина смерти установлена не будет, верить отказываются.

– А мы поверили! – с вызовом усмехнулся мужчина. – Сразу. Я даже дело уголовное свернул. Почему? Да просто сына своего хорошо знали. Его эта чёртова река как магнит к себе манила, сколько раз сбегал туда. И потом… – он обхватил руками голову… – Может, лучше так, чем идиотом жить, а? Уходите! – вдруг поднялся из-за стола Владимир. – Не рвите мне душу! Уходите!

Он опрокинул рамку с фотографией изображением вниз, впечатал её в стол ладонью, побагровел.

– Да… не получилось у нас с вами разговора, Владимир Васильевич, – констатировал Глеб, – А жаль. Я надеялся, вы рады будете, что хоть так, через статью газетную, о Ване вспомнят. Прощайте и… берегите детей.

Кирилл даже прощаться не стал, вышел молча, лишь подмигнул во дворе девчонке, бросившейся закрывать калитку, вручил бумажный пакет с шоколадными конфетами, она, прижав к себе нежданный подарок, в неверии распахнула глаза.

– Это мне?!

– Тебе.

Быстро обернувшись на крыльцо, девчонка, позабыв ска-

зать спасибо, принялась запихивать пакет под курточку.

– Что скажешь, друг? – усмехнулся Глеб, когда девочка захлопнула за ними калитку.

– Глеб, давай так… сначала по соседям, а после впечатлениями делиться. Мне надо их как-то рассортировать.

– И не говори… у меня тоже картинка не складывается, присутствует ощущение размытости и недосказанности. Может, соседи прояснят ситуацию?

Калитка соседнего двора была закрыта на амбарный замок, а вот во дворе напротив, огороженном опять же, зелёным металлоштакетником, кто-то ходил. Звенел цепью дворовый пёс, поскуливал радостно, заливисто тявкал щенок, беззлобно осаживал его мужской голос. Глеб постучал. Калитка распахнулась сразу же, перед визитёрами возник молодой мужчина.

– Здравствуйте! – приветливо улыбнулся Глеб. – Мы являемся представителями скромной профессии слова и пера, меня зовут Глеб, это Кирилл…

– Журналисты, короче… – невежливо перебил мужчина. – К соседям приезжали?

– Да. К Сенцовым.

– И? Я чем могу вам помочь? – хмуро осведомился он, отпихнул ногой льнущего щенка, сунул в карманы руки. – Сплетен я не собираю, и уж тем более не распространяю, жизнью соседской не интересуюсь, живу себе, никого не трогаю…

– Примус починяю… – едва слышно пробормотал Кирилл.

Мужчина коротко глянул на него, но переспрашивать не стал, ответил сухо, по-армейски:

– Вряд ли я могу быть вам чем-то полезен.

– Мы о Ване хотели поговорить. Вы его знали? – поинтересовался Глеб.

– Видел, конечно, но у Сенцовых детей столько, что в глазах рябит, а я не приглядываюсь. Вроде бегал один мальчишка… – он равнодушно пожал плечами.

– Надо же, вы на редкость ненаблюдательны, – хмыкнул Кирилл. Он легко перетянул разговор на себя. – Не слышали, что соседский мальчик погиб прошлым летом?

– Слышал что-то такое, жаль, конечно, мальчонка занятный был…

– То есть всё-таки знаете его?

– Видел, – настаивал на своём мужчина. – И только лишь.

– Через забор, вероятно? – уточнил Кирилл.

– Через забор тоже. Мы всё-таки соседи, бывало, что и на улице встречались.

– И при своём поразительном равнодушии к окружающим, вы как-то успели понять, что мальчик занятным был, так получается?

– Выходит, что так… – говорил он ровно и спокойно, не выказывая каких-либо эмоций, но в глаза не смотрел, взгляд его будто приклеился к какой-то одной, выбранной заранее

точке. Кирилл проследил его взгляд, увидел царапину на калитке, кивнул собственным мыслям. Врёт мужик. Определённо врёт. Так не бывает, чтобы уж совсем без эмоций, тем более, когда речь о беде заходит. Пусть не своей, чужой, случившейся с соседским мальчишкой… Человек не умеет общаться совсем без эмоций, тут скорее самообладание непробиваемое, о чём и говорит отсутствующий взгляд на калитку. Но к чему оно? Ведь не с обвинениями они пришли, просто поговорить. Версия напрашивается сама собой. Единственная. Сосед любопытен сверх меры и знает куда больше, чем хочет показать.

– Вы чего-то боитесь? – в лоб спросил Кирилл.

Собеседник дёрнулся, моргнул, быстро глянул на Кирилла и снова отвёл глаза. Удалось-таки выбить его из колеи, пусть на миг, но маска сброшена, за личиной безразличия проступило что-то живое. Неужели действительно страх?

– А мне-то чего бояться? – после непродолжительной паузы поинтересовался он, схватившись за собачку молнии на куртке. – С мальчиком несчастный случай произошёл. Не здесь, на реке, вернее, на утёсе, я туда не хожу, так чего мне бояться? – а рука непроизвольно гоняла собачку молнии вверх-вниз.

– Сломаете, – заметил Кирилл.

– Что? – мужчина растерялся, глянул на молнию, застегнул куртку и сунул руку в карман.

– Нет, ничего… – Кир дежурно улыбнулся, пожал плеча-

ми. – Ладно, раз вы ничего не знаете, говорить нам больше не о чем. Извините за беспокойство, мы пойдём…

Калитка мигом захлопнулась, мужчина даже попрощаться не соизволил.

– Хам трамвайный, – прокомментировал Глеб.

– Не хам, – возразил Кирилл. – Думаю, у него есть веские основания так себя вести. Ну что, Глеб, идём дальше? Мне всё интереснее и интереснее это расследование.

– Вот кому надо было в журналистику идти! – рассмеялся Глеб. – Или в полицию. Такие способности пропадают всуе…

– Нет уж. Мне моё дело нравится. А это так… хобби… – он уже стучал в следующую калитку.

Открыла им молодая и очень привлекательная женщина. Заулыбалась, захлопала ресничками.

– Мы из газеты, – хмуро бросил Глеб. – Можете уделить нам несколько минут?

– Конечно! – женщина ослепительно улыбнулась ему, снова застенчиво хлопнула длиннющими ресницами. – В дом проходите… – спохватилась она. – За чаем сподручнее разговаривать.

Они прошли в дом на тёплую застеклённую веранду, уселись на широкую скамью за столом, на яркие смешные подушечки. Разительно отличалось это жилище от того, где довелось побывать пятнадцать минут назад. Здесь царил простой деревенский уют, заботливо созданный умелыми женскими

руками.

– О чём вы хотели поговорить? – небрежно бросила хозяйка, заставляя стол чайными чашками, вазочками с вареньем, плетёнками, доверху набитыми крохотными на два укуса пирожками. – Вероятно, о Сенцовых? – сама ответила на свой вопрос она. – Тогда по адресу. Я с Анжелкой и Вовкой в одном классе училась.

– Да, именно… – подтвердил её догадку Глеб, а Кирилл снова с отсутствующим видом уткнулся в блокнот.

– Вот за чаем и поговорим, – зарделась под Глебовым взглядом хозяйка. – Меня Алёной зовут.

– Я Глеб, это Кирилл.

Кир не удосужился даже кивнуть, увлечённо что-то записывая карандашом в блокнот. Алёна разлила чай. Только теперь Кирилл оторвался от записей, поднял голову, улыбнулся Алёне.

– Извините меня за временное отсутствие, боялся мысль потерять.

– Ничего. – Алёна равнодушно кивнула, стрельнула глазами в сторону Глеба, присела на лавку, пододвинула к себе чашку. – Что именно вы хотели узнать? – пряча смущение, спросила она.

– Наверное всё. Что за семья? Что не так с Ваней было? Почему он погиб? – засыпал её вопросами Глеб.

Алёна нахмурилась.

– Да семья как семья, – пожала плечами она. – Обычная.

В деревнях многие так живут.

– Как?

– Да не очень… но у Сенцовых всё как-то издалека складывалось. Я начну оттуда, со школы. Можно?

– Конечно! – Глеб обрадовался. Неужели им повезло, и они нашли человека, знающего всю подноготную семьи?

– Они дружили класса с четвёртого. Ну как дружили… Дружил Вовка, а Анжела уже тогда непростой девочкой была. Вовку при себе как пажа держала. По принципу «поди, подай». Смотрела свысока, насмехалась. Ещё бы! Первая красавица в школе! Она очень рано осознала своё преимущество перед другими, вовсю пользовалась им. А мы все, одноклассники, при королеве холопами были. Она казнила, она миловала, она подарки дарила с королевского плеча, она же их и отбирала. Сейчас это всё невероятным кажется, а тогда… всё было правильным, мы даже не задумывались о том, что дружба другой бывает, и от прислуживания ох как отличается. Вовка служил преданнее всех. Он обожал Анжелу, разве что не молился на неё. И в старших классах она вроде как отвечать ему начала взаимностью, а потом, никого не предупредив, уехала в Москву, поступать в театральный.

Алёна задумчиво болтала ложечкой в вазочке с вареньем и всё поглядывала на Глеба. Она будто забыла, о чём минуту назад рассказывала. Не занимал её разговор, куда больше интересовал видный мужчина, зашедший в гости. Только вот незадача, не один он зашёл с приятелем, и этот приятель

Алёне ох как не нравился!

– А что было дальше? – поторопил её Глеб, устав от ожидания. – И кстати, пирожки у вас – объеденье!

– Понравились? – щёки Алены зарделись, на губах снова заиграла застенчивая улыбка. – Это с левашом. Вы знаете, что такое леваш? Это сушёные и спрессованные ягоды, для пирогов самое то!

– Бесподобные пироги! – снова похвалил Глеб. – Но может быть, вернёмся к повествованию? Вы безумно интересно рассказываете, – нагло польстил он. – Заслушаться можно!

– Да… – Алёна на миг задумалась. – Потом Анжела вернулась. Через полтора года. В институт, конечно же, не поступила, там таких как она… бесталанных, пруд пруди.

– Вы считаете, нет у Анжелы таланта?

– Однозначно! Кроме красоты и самомнения у неё вообще ничего нет. Вернее, так раньше было. Сейчас нет ни того, ни другого. Всё, что имела, растеряла.

– Однако! Не слишком ли вы категоричны?

– Она того заслуживает! – уверенно заявила Алёна. Поднялась из-за стола, подлила Глебу чая, снова присела на лавку. – Она вернулась немножко беременной. Месяцев этак на семь. Родила вскоре. Девчонку. И спесь-то с неё как копоть слетела. Человечнее стала что ли… А может, сломалась просто. Не могу односложно сказать. Я как раз замуж собиралась. За Вовку. А она… Увела его.

– Вот так человечность! – ухмыльнулся Кирилл.

– Хорошо, что так вышло, – тихо проговорила Алёна. – Мне через год человек встретился. Хороший. А ей… а и вся жизнь у неё наперекосяк пошла. Видели её?

– Это вы о синяке в пол-лица? – без особого интереса уточнил Кирилл.

– Это я о детях её. И о муже. Про синяк ничего не знаю. Беременность – это её естественное состояние. Ну подумайте, восьмые роды!

– Стоп! – насторожился Глеб, – Как восьмые? По моим данным детей вместе с Ваней у неё было шестеро. Ну ладно, сейчас седьмым беременная, вы не путаете, Алёна?

– Вовсе нет. Это, наверное, по Вовке данные. А у Анжелы восемь детей. В смысле, беременная восьмым. Я же говорила, что с Москвы она беременной приехала. Вскоре дочку родила. На себя записала, под своей фамилией. А за Вовку она уже после вышла, через год примерно. Он всё определиться не мог, от меня к ней бегал и обратно.

– Отчего же? – снова влез Кирилл, не поднимая глаз от блокнота. – Вы же только что говорили, что любил он её сильно? Что ж за выбор перед ним стоял?

– Любил… – Алёна кивнула, с грустью посмотрела в окно, положила руку на стол, ненароком коснувшись руки Глеба, бросила стремительный взгляд на него, смутилась напоказ, спрятала руки под столом. – Вот только простить не мог. Да, похоже, до сих пор не простил. Женился, добился своего в своё время, а как жить с её нелюбовью понять не сумел.

– Плохо они живут, да?

– Как все, – поспешно ответила Алёна. Слишком поспешно для того, чтобы принять её слова за чистую монету. Дозирует информацию, выдаёт строгими порциями, каждое слово через фильтр пропуская.

– Вот моя жена с синяками не ходит, – ядовито усмехнулся Кирилл. К угощению он даже не притронулся, только чай выпил. – А вы говорите, как все…

– Да мало ли… может, сама ударилась, всякое случается.

– Ну да, ну да… – он снова застрочил что-то в блокноте.

– Выходит, живут они хорошо, – Глеб подхватил эстафету, принялся развивать тему отношений, не забывая при этом наблюдать за Алёной. – Но, когда погибает ребёнок, предпочитают забыть о нём, будто его и не было. Так?

– Ваня… – лицо Алёны осветилось искренней улыбкой, – Он очень светлым мальчиком был. Особенным.

– До болезни или после? – Кирилл ставил её в тупик вот такими короткими, неожиданными вопросами. А теперь ещё и от блокнота оторвался, смотрит пытливо, будто в самую душу заглянуть норовит.

– До болезни? – переспросила она, нахмурившись. Кирилл определённо ей не нравился, не позволял контролировать беседу, задавая неудобные вопросы. – Ах, ну да, – спохватилась Алёна, – я поняла… Это, когда мальчик разговаривать перестал?

– Да. Так до или после? – настаивал на ответе Кирилл.

– Всегда, – неуверенно пожала плечами женщина. Лоб её расчертили глубокие вертикальные складки, она не понимала, правильно ли ответила. – Ещё чаю? – попыталась скрыть замешательство она.

– Если вас не затруднит… – широко улыбнулся Глеб, пододвигая к ней свою опустевшую чашку.

Алёна с неприязнью глянула на Кирилла, но налила чая и ему. Он кивнул небрежно, покрутил пальцами карандаш, снова принялся писать что-то в блокноте.

– А вот скажите мне, Алёна, – продолжил прерванный разговор Глеб, – В чём выражалось… хм… слабоумие мальчика? Его отец утверждает, что после перенесённой болезни мальчику поставили диагноз – задержка психического развития. Причём, насколько я понял, лечить мальчика даже и не пытались. Так в чём заключалась задержка развития?

– Ваня говорить перестал.

– И только?

Алёна совсем растерялась. Поднялась из-за стола, взяла чайник, зачем-то переставила его с одного места на другое, смахнула с яркой скатерти несуществующие крошки.

– Это не ко мне вопрос, – наконец нашла правильное решение она. – Вы меня извините, но я не так близко общалась с Ванюшей, не знаю точно, в чем выражалась его болезнь. Бегает и бегает мальчишка по улице, улыбается всем… У него всегда куча разноцветных стёклышек в кармане была, он через них на людей смотрел, а потом… с кем-то шёл на кон-

такт, с кем-то нет, что уж видел через стекляшки?…

– Вы тоже боитесь? – поднял на неё глаза Кирилл.

– Тоже? – удивилась она.

– То есть, в моём вопросе вас смутило именно это слово?

– Не понимаю. Нет. Ничего я не боюсь, – зачастила Алёна. И хоть вела разговор с Кириллом, смотрела только на Глеба. – Мне-то чего бояться?

– Одноклассника Вовку, например.

– Так он… он сотрудник полиции, да и потом… с Ваней несчастный случай произошёл… все знают.

– Вы в это верите?

На этот вопрос женщина, устав от недосказанности, собственной лжи и подвохов в репликах странного журналиста, ответила искренне:

– Верю ли я – дело десятое. А родители верят, с этой верой живут. Как им живётся, то не моё дело, и не ваше. И вообще… – она с сожалением посмотрела на Глеба, – вам, кажется, пора.

– Это точно, – Глеб бросил взгляд на ходики – простенькую, вырезанную из дерева сову с цепями, гирями и маятником, с двигающимися в такт маятнику глазами, усмехнулся, – Надо же, такой раритет… Неужто работают?

– У меня муж мастер на все руки… был, – с гордостью ответила Алёна, при этом посмотрела на Глеба откровенно призывным взглядом. – Вы бы не ходили больше по деревне, Глеб, не расспрашивали людей.

– Почему?

– Не расскажет вам никто о Ване. Не знают люди Сенцовых, сторонятся их. Они хоть и местные, но чужие здесь. Вон, за глухим забором прячутся…

– И людей стращают, – с усмешкой закончил её фразу Кирилл.

– Я этого не говорила, – медленно покачала головой Алёна. – Закрытые, это да, остальное вы сами додумали.

– Пусть так, – легко согласился Кирилл. – Ну что, дальше пойдём? – спросил он у Глеба, когда калитка, скрипнув на прощанье, захлопнулась. – Или хватит уже на сегодня? У меня, если честно, голова кругом.

– Согласен. Давай уже к дому двигать. Ещё один визит, и я сам умом тронусь…

– Особенно, если в следующем доме такая же красотка живёт, – не удержался от колкости Кирилл. – Как она вокруг тебя круги нарезала… загляденье! Видела бы Ирка, волосёнки бы ей повыдирала.

– Да тьфу на тебя! – рассмеялся Глеб. – Завидно?

– Вот уж нисколечко! Но эти реснички, этот голос, взгляд… Глебка, может, вернёшься? Не разочаровывай барышню, – заговорщицки подмигнул Кир. – А я тебя в машине подожду.

– Иди ты… лесом!

– Предпочитаю ехать, – ныряя за руль, ответил Кирилл.

Когда тронулись, Кирилл всё ещё улыбался, вспоминая и

смакуя визит к соседке Сенцовых, но улыбка померкла, стоило отъехать от посёлка. Глеб насторожился, когда на довольно крутом повороте Кирилл не сбросил скорость.

– Полихачить решил? – спросил он.

Кирилл в ответ медленно покачал головой.

– Пристегнись, Глеб.

– Что? Что случилось?! Что ты творишь, Кирюха?!

Кир не ответил, он сосредоточенно смотрел на дорогу, автомобиль, всё набирая скорость, летел с горы. Воздержавшись от дальнейших вопросов, Глеб послушно накинул на себя ремень безопасности.

– Чёрт! Чёрт! – сквозь зубы бормотал Кирилл, судорожно вдавливая в пол педаль тормоза. – Что за хрень такая?!

А Глеб смотрел на дорогу, летящую серой лентой под колёса, и с ужасом осознавал, что этот путь, скорее всего, окажется для них последним. Гора, запредельная скорость, отказавшие тормоза, овраг с правой стороны, за ним лес. С левой, там, под горой далеко внизу виднеется поле… Пока дорога ровная, прямая – они живут, но первый же поворот наверняка окажется для них смертельным.

Впереди замаячил рейсовый автобус. Он плетётся с черепашьей скоростью. В нём люди. Наверное, много людей, они едут по своим делам, и все хотят жить. И невдомёк им, что смерть уже в нескольких метрах, не подозревают они о беде…

Нет, Глеб определённо не хочет досматривать эту исто-

рию, лучше зажмуриться, не видеть ничего, из темноты в темноту, наверное, не так страшно… Он зажмурился. Сильно, до боли в глазах… Вот. Вот сейчас. Скорей бы уж…

6

1880 год

«Меня зовут Ярослав. Я являюсь прямым потомком тех, кто, не имея на то морального права, без суда и следствия вынес и привёл в исполнение смертный приговор. Мои родичи совершили казнь. Жуткую и неоправданную. Несоизмеримую ни с чем в своей жестокости. Была ли убиенная ведьмой? Сомневаюсь. Пересуды да оговор – вот из чего сложилось обвинение. А казнь состоялась»…

От зажжённой лучины света было чуть, по бревенчатым стенам метались причудливые тени, за печкой стрекотал сверчок. Хоть и бедная изба, роскоши не знает, зато в ней тепло и уютно, скрипят, будто переговариваясь, половицы под ногами, тянет из печи огнём, дровами, щекочет ноздри умопомрачительный запах похлёбки да свежего печева. Под потолком, источая дурманящий аромат, развешаны сухие пучки цветов и трав, на печи, устланной чистой тряпицей, подсыхает лесная малина.

Несмотря на преклонный возраст, быстро передвигается по избе хозяйка, движения её резкие, порывистые. Её тень на стене напоминает суетливую галку, вот взметнулись вверх руки-крылья, вот сама метнулась в сторону, того и гляди, по-птичьи заговорит. Вот поставила на стол три грубые деревянные миски, вот возле каждой ложку положила. Простенькие ложки, без росписи, из клёна не самым искусным мастером вырезанные. Следом полотенце домотканое на столе развернула, поплыл по горнице запах свежего печева, в полотенце оказался каравай, пышный, пахучий, с выбеленными мукой поджаристыми бочками.

Гости – мальчишки четырнадцати годков отроду, дружно повели носами, один здоровым, второй – разбитым в кровь, распухшим. Они являлись точной копией друг друга, разнились сейчас разве что носами, в остальном же… одинаковые лица, одежда, причёски, даже родинки на лице в одном и том же месте. Близнецы, не отличимые друг от друга и в то же время разные совсем. Те, кому должно являться самыми близкими, люто ненавидели друг дружку, непримиримыми врагами являлись. Сидели на лавке как можно дальше друг от друга, один, подтянув колени и примостив на лавке босые ноги, второй, то и дело шмыгающий расквашенным носом, чинно сложив на коленях руки, с прямой спиной и вздёрнутым вверх подбородком.

– А ну за стол! – ворчливо приказала хозяйка. Мальчишки повиновались. Один охотно, второй, будто одолжение де-

лая. – Владислав, Ярослав! – одёрнула она, – Еда не любит хмурых лиц, не в прок пойдёт, ну-ка, посмотрите друг на друга и улыбнитесь. Имена у вас славные, великие, а вы ну как те волчата!

Мальчишки посмотрели друг на друга недобрыми взглядами, обменялись неискренними улыбками.

– Нянюшка, почему всё так? – с тоской во взгляде спросил мальчишка с разбитым носом. – Почему маменька поступила так? Почему батюшка запил? Почему мы с братом ненавидим друг дружку?

– Дурень ты, Ярослав! – рассмеялся второй брат. Веселье его вышло обидным, злым. – Батюшка запил оттого, что маменька померла, а с утёса она сиганула, оттого, что и раньше неживая была. Как рыба снулая… – с презрением бросил он. От обиды то презрение шло, от боли жгучей, что таить в себе мочи не было.

– Владюша, – прижав к себе русую голову мальчишки, вздохнула старая нянька. – Не ведаешь ничего, так молчи лучше, не бросай на ветер слов невозвратных, лихом они обернутся.

– А чего тут ведать – дёрнувшись и освобождаясь от объятий, огрызнулся мальчик, – Коли правда всё?!

– Неправда! – подскочил Ярослав. Упёрся сжатыми кулаками в стол, исподлобья, тяжело посмотрел на брата.

– Ударишь? – поднялся Владислав. – Ну давай! А я отвечу…

– Не ударю… – поникли плечи, вздохнув, опустился на лавку младший брат. Нет, он не боялся драки, стычки с братом по пять раз на дню происходят, его тяготила сама их непримиримая вражда. Хотелось всё-всё в жизни изменить. Не получалось. Не воротишь больше маменьку, оборвавшую собственную жизнь, да и прав в чём-то брат, не ласковой она была, холодной. Что дети родные, что челядь дворовая – всё ей едино. Голос её, ровный и тихий для всех звучал одинаково. Ни тепла в нём не было, ни радости, одна печаль, в душе навек поселившаяся.

– Охолони! – отвесила подзатыльник Владу нянька. – Сядь, малец неразумный, да старого человека послушай.

Только она позволяла себе подобные вольности по отношению к графским сыновьям, она, вырастившая их, выпеставшая. И недаром в поисках тепла мальчишки до сих пор в её крохотную избушку бегут, отогреваются здесь, оттаивают. Когда совсем невмоготу жизнь в отчем доме становится, то старший – Владислав прибегает, то младший – Ярик, то оба сразу наведываются. Такое после крупных стычек бывает. Как расквасят носы друг другу в кровавую юшку, так к ней, от батюшкиных расспросов скрываться. Не одобряет отец подобные посиделки, но перечить няньке не смеет, благодарен ей, за то, что сынков его без ласки не оставила, вместо бабушки им была.

Сейчас иначе всё. Весь год мальчики в городе живут, учатся, постигают премудрости в лицее, а летом, вырвав-

шись на волю, избавляются разом от надоевшей строгой одежды, от тесной обуви, становятся от простолюдинов неотличимыми, и только властные прямые взгляды выдают благородное происхождение. И этого не одобряет батюшка, негоже графским сыновьям босыми бегать, да не указ он им, противятся неслухи…

Не след был дочку мельникову в жёны брать, деток общих рожать, да любовь сердце захолонула, противиться ей мочи не было. Ну а помесь так помесью и останется, порода уже не та, чувствуется в мальчиках кровь простецкая, портит их.

Владислав покорно сел на лавку, поджав под себя ногу, приготовился слушать, а нянька не спешила, нарезала каравай крупными ломтями, протянула обоим мальчикам по ломтю, горбушку – лакомый кусочек, себе оставила. Иначе не выходило, снова подерутся мальчишки, ежели одного кого выделит. А с обоих краёв сразу отрезать не годится, ну как обидится доброе тесто, не поднимется в другой раз.

– А теперь ложки берите, кушайте, да слушайте меня, рассказывать буду. – Она тяжело опустилась на скамью, отщипнула от горбушки крохотный кусочек мякиша, положила в рот. – Тот год неурожайным вышел, – подперев голову сухонькими ладонями, наконец заговорила она. – Совсем бедовым, люди зиму ждали как погибели, старались хоть чем разжиться, да выходило плохо. Мельник наш по осени жену схоронил, детишек один тянул, а детворы – мал ма-

ла… пацаны одни, только старшенькая доченька – красавица. Пятнадцать годков то лето стукнуло Анфисе, и была она на много вёрст всех краше. У парней дыхание сбивалось, когда она с коромыслом от колодца шла.

Заприметил её барин наш, три года как вдовый, ослеп от красы такой, по первому снегу сватов заслал. Силантий подумал, да и не долго думал-то, согласие дал – виру за невесту Матвей Елисеич обещал достойную, а Силантию мальчишек поднимать, как тут не согласишься. Не абы кто дочку сватает, сам граф Лаврентьев!

Свадьба седьмицу гуляла. Шумная свадьба, богатая. Не скупился барин, Анфису озолотил, в шелка одел. Да только не надобно всего этого Анфисушке было, о другом грезила, а судьба вона как распорядилась… Изменилась она. Смешливой девчонкой была, озорной, а после свадьбы подменили будто. Боялась она супруга, ох боялась! Вроде и худого не делал, на руках носил, а она боялась.

Вот ты, Владюша, судишь мать, а того понять не можешь, что замёрзла она подле нелюбимого. Душа замёрзла – не отогреть. Даже вам, деткам долгожданным не удалось этого. Не жила она вовсе, век коротала, а как невмоготу стало, на утёс ходить повадилась. Я отваживала, говорила, что не к добру, она лишь улыбалась отрешенно, отвечала, будто хорошо ей там, спокойно, и душа поёт. Я лишь тогда её улыбку и видела, как с утёса она возвращалась, лишь тогда оживала чуть.

Отец ваш любил её дюже, потому и смириться не смог, горькую пить начал. Вы не судите строго, ведь потерять любимую, всё равно, что от себя отмахнуть кусок, долго болит. Не затягиваются те раны, что не видны никому. А ваша ненависть оттого, что грех чужой нелюбви на себе несёте. Не рождается от ненависти любовь, как и зло добром не оборачивается. Это то, что неизменно при вас останется, грех нелюбви вам всю жизнь на плечах нести, до самого креста на погосте.

– Да неужто ничего изменить нельзя?! – не выдержав, вмешался в её историю Ярослав.

– Нет, Ярик. Так и будете два брата с ненавистью жить, и хорошо, коли жизнь вас в разные стороны разведёт.

– Я не хочу так… – Ярослав медленно покачал головой.

– И я, – в кои-то веки согласился с ним брат. Встретились два взгляда, не схлестнулись в противостоянии на этот раз.

– Ну как знать, как знать, – улыбнулась нянька, – глядишь, и сладится, справитесь вдвоём с грузом родительским. Но это только вдвоём.

Оба кивнули.

– Нянюшка, расскажи про утёс, – попросил Владислав. – Что за место такое? Какую тайну он скрывает?

Завела рассказ старая нянька. Знала, что не одобряет подобные разговоры граф, да только с любопытными мальчишками ничего поделать не могла, всё равно вызнают. А

закончила рассказ, и задумался Влад, потом сказал медленно, разделяя слова.

– Я был там. Он и правда, зовёт.

– Да зачем же ходил туда, Владюша? – испугалась нянька, глянула на воспитанника так, будто угрожала ему опасность смертная, будто совершил он нечто необратимое, и пути назад больше нет.

– Так интересно же! – пожал плечами Владислав, – На селе только и говорят об утёсе, как не посмотреть…

– И наверх поднимался?

– Да.

– Ох, беда…– и столько горечи было в двух коротеньких словах, что у Ярика, более чувствительного и ранимого, что-то оборвалось в душе. Он посмотрел на брата, уловил отблеск страха в потемневших глазах, и захотелось закричать, завыть, убежать далеко-далеко, как можно дальше от проклятого места… Волосы зашевелились на голове, потусторонний ужас окатил жаркой волной, откатился, могильным холодом сковало нутро, выпала из задеревеневших пальцев ложка, с глухим стуком упала на дощатый пол. И не случилось ещё ничего, а Ярослав знал наверняка – случится обязательно, видел обречённость в глазах брата.

– Пора нам, нянюшка, поздно уже, – отложив ложку, поднялся Владислав, и показалось Ярославу, что брат повзрослел разом, изменился, превратившись из пацана в мужчину. Ох, не к добру! Поцеловав нянюшку в морщинистую

щёку, Владислав шагнул за порог, быстро распрощавшись, вылетел следом и Ярик.

– Влад… – догнал брата он. – А как он зовёт?

– Кто? – не замедляя шага, хмуро бросил Владислав.

– Ну утёс этот.

– Не нужно тебе этого знать! – отрезал Влад. – И пообещай мне, что никогда ты туда не пойдёшь! – Он остановился, повернулся к брату, схватил его за плечи, легонько встряхнул. – Слышишь? Ярик! Пообещай прямо сейчас.

– Хорошо, Влад. Обещаю. Я никогда не поднимусь на чёртов утёс! – в исступлении выкрикнул Ярослав, шмыгнул носом, вырвался и побежал к усадьбе, стараясь скрыть от брата постыдные слёзы.

Он проснулся ночью от пронизывающего холода, подтянул одеяло к подбородку, поворочался, намереваясь снова заснуть, но что-то мешало. Назойливо, как комариный писк, смёрзшейся льдинкой звенело внутри, не унимаясь, дурное предчувствие. Брат! Ярослав рывком сел на кровати. Так и есть, окно распахнуто, кровать брата пуста и даже не смята. Так и не лёг, значит, всё стоял у окна, ожидая, пока он, Ярик, заснёт. А он-то, чурбан бесчувственный, так и не понял ничего!

Проворонил! Ну как же так?! Ведь давал зарок себе, спать вовсе не собирался! Мальчик подхватил брюки, натянул их и пулей выскочил в окно. Он знал, куда направился брат, помнил, какой тоской подёрнулся его взгляд, стоило

няньке лишь упомянуть утёс. Он мчался, и ветер свистел в ушах, падал, вставал, о шершавые стволы деревьев разбивал в кровь колени, руки, лицо, но даже не замечал этого. Успеть. Только бы успеть! Остановить, не дать подняться туда, на проклятый утёс, страшное, пугающее место, вокруг которого столько легенд ходит. Их рассказывают шёпотом, на ушко, чтобы (ни дай боже!) не услышал кто посторонний, и столько их размножилось, сказок этих, что доподлинно сказать никто не возьмётся, где правда, где вымысел. Но то, что тянет к себе утёс, Ярослав точно знает, все легенды к тому сходятся, все истории страшные. И те, кто хоть однажды поднялся на утёс, вернётся туда снова и снова, до тех пор, пока не сманят его за собой злобные духи, хранители проклятого места.

Он почти выбрался, почти добежал, вот уже виден утёс в призрачном лунном свете, и даже заметил Ярослав в десяти шагах от себя мелькнувшую белую рубаху.

– Влад! – крик отправился гулять по лесу, нарушив и растревожив вязкую тишину. Заклубился туман под утёсом, поманил к себе, обещая покой и негу, а брат не отозвался… – Влад!

Что-то твёрдое метнулось под ноги, хлестнули по лицу ветки. Ярослав не сумел удержаться на ногах, упал навзничь, со свистом вырвался воздух из груди, что-то рухнуло на него сверху, в потёмках не разобрать, что именно, тисками сомкнулось на голени, хрустнула кость. Боль затопи-

ла сознание, миг, и ничего не стало…

В беспамятстве хорошо, спокойно. Не надо никуда бежать, нет страха, нет боли, нет жуткой тревоги за брата… Брат! Ярослава будто под лопатку ударило, шумно втянув воздух, он распахнул глаза и тут же увидел его.

Влад стоял на самом краю утёса, долговязую мальчишескую фигурку хорошо было видно на фоне яркого диска полной луны, он балансировал, стоя над пропастью, окутанный плотными лепестками тумана, и казался уже не человеком – птицей, раскинувшей крылья. Едва касались земли босые ноги, вот сейчас оттолкнётся, взлетит, воспарит туда, к луне… но Ярик-то знал, насколько коротким окажется полёт брата.

– Влад! – что было сил, закричал он. – Не смей! Не оставляй меня одного! Влад!

Пойманный в ловушку, Ярослав не мог двигаться, но отчаянно рвался, пытаясь освободить покалеченную ногу, зажатую в расколотом стволе поваленного дерева. Сорвался голос, крик сменился невнятным хрипом, а он всё рвался, давясь слезами и криком, молотя разбитыми кулаками по земле, но, не отрывая взгляда от мальчишеской фигурки на краю обрыва.

Вот оттолкнулся Влад, взмахнул руками-крыльями и… Ярослав, не в силах выдержать весь ужас происходящего, снова потерял сознание.

7

Внедорожник повело в сторону, на какое-то мгновение он завис в воздухе на двух колёсах с водительской стороны, но тут же вернул исходное положение, помчался дальше.

Кажется, или скорость падать начала, а дорога изменила покрытие? Глеб опасливо приоткрыл один глаз. Больше не было перед глазами серой ленты дороги, автомобиль мчался по полю, меся мощными колёсами снег и грязь, увязая в крошеве, затормаживая… Машину болтало, швыряя то вправо, то влево, Кирилл маневрировал по полю, сбивал скорость, то и дело меняя направление.

Автобус, люди – первая мысль была почему-то о них. О том, что людям в автобусе больше ничего не угрожает, они спокойно доедут до места назначения, и лишь потом пришло понимание, что Кирилл совершил чудо, использовал, пожалуй, единственный шанс.

Окончательно остановиться помог густой кустарник у края леса. Ломая ветки, внедорожник врезался в живую изгородь и замер, недовольно рыкнув напоследок. Глеб так и остался сидеть, глядя пустым взглядом сквозь лобовое стекло.

– Глеб! Глеб! – потряс его за плечо Кирилл. – Отомри! Всё закончилось.

Непослушными руками Глеб потянулся к ремню безопас-

ности, отстегнул его, открыл дверцу и вывалился наружу, по щиколотку увязнув в снежно-земляной жиже. Без сил он опустился на подножку. Через минуту рядом появился Кирилл.

– Тебе повезло больше, – с жалким смешком выдохнул Глеб, разглядывая собственные трясущиеся руки.

– Почему?

– У тебя дело было, а я умирал.

– Вероятно, ты прав, – подумав, согласился Кирилл.

– Точно прав. Я уже проходил это. – Глеб никогда и никому не рассказывал о своих командировках, но настал момент, когда потребность высказаться развязала ему язык. – Когда в первую командировку поехал, попали мы под обстрел. Я растерялся и стоял столбом, а молоденькая медсестра, девчонка совсем, из местных, помогала раненым, порхала птичкой от одного к другому. Я стоял и умирал, а пули свистели рядом, почему-то не задевая… Девчонка подскочила, потянула меня к земле, а я понять не мог, чего же ей нужно от меня. Разговорились потом, после боя, она всё толково объяснила. Оказывается, ступор мой был вызван тем, что не было чёткого руководства к действию. Будь я бойцом, стрелял бы, а у меня только фотокамера в руках… Так и сейчас. Ты спасал нас и тех, в автобусе, а я завис где-то между небом и землёй.

– Это нормально, не заморачивайся.

– Кирюх… а как тебе это удалось?

– Знать бы… К шоссе вернёмся, посмотришь, там съезд на поле только в одном месте был, да и тот, не с нашей, разумеется, стороны. Как вписался, сам понять не могу, думал, в кювет улетим. Прикинь, Глеб, за последнюю неделю я уже дважды смерть обманул, и оба раза на дороге. Как думаешь, старуха с косой на меня охоту объявила?

– От этой охотницы ещё никто не уходил, – хмыкнул Глеб. – Раз не забрала, значит, нафиг ты ей сдался. Побегаешь ещё.

– Надеюсь. Ладно, надо выбираться отсюда. Ты звони в сервис, вызывай эвакуатор, а я вон в ту деревню прогуляюсь. Тракториста найду, без него нам отсюда не выбраться. Понять бы ещё, из-за чего тормоза отказали…

– Это тебе в сервисе расскажут.

Домой в этот день добрались только к вечеру. Оказалось, что в поле отсутствует мобильная связь. Тракторист, дёрнувший с поля автомобиль, заверил, что связь есть только на горе, а здесь в низине, отсутствует. Пришлось доплатить ему за возможность прокатиться на тракторе до того места, откуда прозвониться можно. Потом целый час ждали эвакуатор, потом добирались до дома. Когда, наконец, явились, оба грязные, замученные, на улице было совсем темно.

Навстречу вышла Лиза.

– Кирюш, ну наконец-то! Где вы были так долго? По телефону я ничего не поняла! – она хотела обнять, но Кирилл не позволил.

– Лизунь, мы грязные с ног до головы, нас в такси везти не хотели, а ты обниматься…

Оглядев обоих, Лиза усмехнулась.

– Ничего себе! Вы что, в окопах сидели?

– Почти. Все разговоры потом, нам бы помыться…

– Тош! – позвала брата Лиза. Антон вышел из гостиной с Макаром на руках. – Тош, одолжишь Глебу что-нибудь из одежды?

– Меня преследует стойкое чувство дежавю, – улыбнулся Антон. – Идём, Глеб. Я только Макара Ритке отнесу, а то за нами увяжется.

8

– Так что случилось? – спросила Лиза, когда отмытые и накормленные Кирилл и Глеб расположились в гостиной на диване.

– В аварию мы сегодня чуть не попали, – лениво ответил Глеб. Говорить не хотелось совершенно, а уж тем более вспоминать страшные мгновения между жизнью и смертью. Минуло и прошло, то, что довелось пережить, осталось где-то там, в хмурой взвеси долгого дня.

– Что-то серьёзное? – голос Лизы дрогнул.

– Да нет, – беспечно отмахнулся Кирилл, – просто в поле уехали. Потом эвакуатор ждали, ничего интересного.

– Эвакуатор ждали, и ты говоришь, что ничего интересно-

го? – недоверчиво сощурилась Лиза. – Врёшь. Раз до города на эвакуаторе добирались, значит, машина не на ходу. Поле минное было?

– Ну действительно, – поддержала Рита, – Колись уже, Кирюха. Я вон по Тохе вижу, что он в курсе, а мы чем хуже?

– А давайте лучше о Ване поговорим, – внёс предложение Глеб. – Мы не так много узнали, но картинка, я вам скажу, более чем странная вырисовывается.

– Нет уж! – не сдавалась Рита. – Мы ждём подробного рассказа.

– Ладно, сдаёмся. – Кирилл поднял вверх ладони. – Тормоза отказали, пришлось в поле съехать.

У Кирилла зазвонил телефон, он вышел на кухню, о чём-то тихо разговаривал, пока Глеб в красках расписывал их сегодняшнее приключение. Вернулся Кирилл, облокотился на барную стойку, задумался.

Подошла Лиза. Обняла его, потёрлась щекой о шею.

– Кто звонил, Кирюш? Что-то случилось?

– Да. Глеб, – повернулся он к другу, – звонил мастер с автосервиса, поведал интересную историю. В моей машине, оказывается, тормозной шланг перебит был. Диверсия налицо.

– Ух ты! Да кто ж постарался-то?

– Не знаю… – Кирилл, размышляя, потёр подбородок. – Но сдаётся мне, всё это так или иначе с деревней Пастушья горка связано. Что-то мы копнули там… да такое, что от нас

по-тихому избавиться решили. Мы ж машину прямо возле майорского дома бросили и спокойно по деревне бродили, времени вагон с тележкой потратили…

Лиза, закрыв лицо ладонями, расплакалась, Кирилл утешать принялся. Следом раскричался Максимка, Кирилл беспомощно оглянулся на Риту, та поняла, подхватила малыша из коляски, сунула ему бутылочку с водой. Так и не получилось в этот вечер разговора, уехал домой Глеб, ушли Антон и Рита, а у Лизы подскочила температура.

Кирилл едва ли не силой заставил жену выпить две таблетки жаропонижающего и отправиться в постель, но убедил всё-таки, Лиза поднялась наверх, оставив сынишку на мужа. Кириллу не привыкать, ребёнком его не запугаешь, он искупал Макса, накормил, укачал, ответил на звонок Полины, обидевшейся на невнимание, и только после этого подошёл к Лизе.

Надо бы спать ложиться, но сегодняшний перенасыщенный информацией и событиями день не отпускал, держал крепко, подсовывая версии и догадки. Кирилл сел на кровать, обхватил руками голову, задумался, пытаясь мысленно сложить в голове сложный пазл. Не выходило. Слишком мало информации имелось в наличии.

– Кирюш, – Лиза, оказывается, не спала, смотрела пытливо и тревожно. – Пообещай мне…

– Что, родная? – он подобрался к ней, обнял, коснулся губами виска, нахмурился. Температура и не думала спадать,

как будто ещё выше поднялась. Кирилл потянулся, нашарил на тумбочке градусник, протянул Лизе. Она отмахнулась раздражённо.

– Пообещай мне, что бросишь это дело.

Он нехотя выпустил её из объятий, поднялся, подошёл к окну.

– Нет, Лиза. Не брошу.

– Кирилл, оно слишком опасным оказалось. Не надо лезть туда, где тебя не ждут.

– А как же мальчик Ваня? – всем корпусом повернулся Кирилл. – Ты сможешь отказать ему в помощи?

Лиза сжалась в комок, закусила губу, помедлила с ответом.

– Смогу! – решительно мотнула головой она. – Ване всё равно, он умер уже, а ты живой! И Глеб тоже! Кирюш… пообещай…

– Нет! – резко ответил Кирилл. – И дело тут, Лиза, теперь не только в Ване. Теперь это личный интерес.

– Он превыше семьи? Тебе что дороже семья или идея?

– Лиза, хватит. Я всё решил. Глеб тоже. Мы с ним уже говорили на эту тему. Мы не отступимся. Пойми же ты, на нас сегодня было совершено покушение. Без каких-либо видимых причин, то есть, кого-то напугал сам факт нашего визита… Что-то есть в этом… гадюкино, определенно есть, и Ваня не за себя переживает, ему уже всё равно, он хочет, чтобы мы разобрались, порядок в болоте навели.

– Кирилл, да подумай же ты! – голосом, звенящим от негодования и сдерживаемых слёз, доказывала Лиза. – Если было это покушение, значит лезть туда смертельно опасно! Первая же попытка разобраться едва к гибели вас не привела!

– Знаю, что опасно. Я отдаю себе отчёт, но не отступлюсь. Те, кто покушался на нас, совершили ошибку, коей и являлось это покушение. Они занервничали, а мы в итоге оказались предупреждены. Впредь будем действовать осторожнее, на рожон больше не полезем.

– Ну хорошо, – сдалась Лиза. – Тогда пообещай взять тайм-аут. Надо всё обдумать, обсудить, разработать план действий…

– Спроси у Вани, есть ли у нас время?

– Я спрошу.

– Лиз… я ещё кое-что тебе сказать должен. Утром не отважился. – Тяжело вздохнув, Кирилл поднял глаза, взглянул виновато и снова опустил голову.

Она смотрела вопросительно, ждала, не понимая, о чём можно говорить таким извиняющимся тоном. Что ещё случилось такого, говорить о чём, смелость требуется?

– Лизунь, к нам Марк едет. И не в гости, а жить. – Он снова вздохнул и отвернулся.

И всё?! Это всё, что он хотел сказать? А она уж подумала…

– Брат твой?

– Ну брат, не брат… не знаю, можно ли называть братом

человека, которого ни разу не видел.

– Как же? Он же сын твоего отца, значит брат. Кирюш, – она улыбнулась, – Это же здорово!

– Здорово?! – опешил он.

– Конечно! Родные люди не должны теряться в пространстве, это неправильно.

– Ты считаешь? – Вот уж чего-чего, а её энтузиазма Кирилл не разделял. – Но Марк сложный подросток, Лиза, с ним нам тяжело придётся…

– Кирилл, ну какие мелочи! – Лиза поморщилась. – Марк твой брат, и я считаю, тебе просто необходимо наладить с ним контакт. Не переживай, мы сумеем найти общий язык, главное, чтобы по-русски говорил, – хихикнула Лиза. – Он когда приезжает?

– Через две недели. Точнее отец потом скажет.

– Это плохо, – задумалась Лиза. – Надо же комнату ему подготовить, чтобы подходила для мальчишки… Гостевую трогать не будем, а Полинке две комнаты не нужны. Как ты думаешь, Кирилл?

– Полинкину комнату переделаем, она же к себе в мансарду не переезжает только из-за тебя…

Мансарда – Полинина мечта, раньше использовалась как склад ненужных предметов. Велосипеды, ролики, зимние вещи в чемоданах, обувь в коробках, санки и снегокат – всё это хранилось в мансарде с момента переезда. Полина любила прятаться среди хлама, а однажды сказала, что хотела бы там

жить. Подумав, родители освободили помещение и обустроили его, учтя все пожелания дочери. Получилось здорово. Скошенный потолок украшали деревянные массивные балки, на стенах панели, имитирующие брус, одна из стен выложена выщербленным кирпичом. Возле этой стены, в нише, нашёл пристанище большой электрический камин. В другой стене потайная дверь в гардеробную. Низкая кровать с мохнатым покрывалом, свисающим до пола, письменный стол у круглого окна, массивный искусственно состаренный громоздкий комод, книжный шкаф, встроенный в стену, пушистый ковёр на полу, удобные пуфики, заменяющие кресла – Полина визжала от восторга, когда увидела, что получилось из запылённой мансарды, до которой ни у кого не доходили руки. Но переезжать в новую комнату девочка не спешила, боялась, что Лизе помощь с Максом понадобится, а она не услышит, что мама её зовёт.

– Стены перекрасим, – размышляла Лиза, а Кирилл кивал и поддакивал, радуясь тому, что удалось отвлечь жену от неприятной темы. – Мебель новую надо купить, эта слишком… девчачья. Как ты думаешь, кровать или диван лучше?

– Понятия не имею, учитывая, что с Марком совсем не знаком.

– Наверное, всё-таки кровать. И шторы новые… Давай в мебельный завтра съездим…

– Куда? У тебя температура под сорок. В конце концов, Марк не завтра приезжает, время есть ещё, да и на работу

мне завтра. До выходных отложим. Ты давай уже, спи…

– Столько событий за один день, а ты говоришь «спи». Кирилл, я хочу знать, что вы сегодня узнали.

– Может, не надо, Лиз? – всем своим видом Кирилл изображал страдание.

– Надо. Пока я завтрашнего «военного совета» дождусь, с ума сойду от любопытства. Есть что интересное?

– Есть, но рассортировать бы. Информация такая противоречивая, не стыкуется. Если в общих чертах, то смерть Вани явно не являлась несчастным случаем, так размыто, туманно всё. Слишком разнятся отзывы соседей с рассказом отца. Он говорит, что мальчик с диагнозом был. Мол, задержка психического развития у него, после перенесённой болезни стал озлобленным и замкнутым, соседи не знают, как правильно, теряются, но, задавая простенькие вопросы, я всё-таки пришёл к выводу, что соседи считали его светлым и добрым. Как такое может быть? Никак. Уже показатель того, что далеко не всё прозрачно в этой истории. Дальше… соседи боятся Ваниного отца. Не признаются, конечно, но боятся, это видно. Сам отец странное впечатление производит… Не знаю, как объяснить. Их жилище – предел нищеты, но! Во дворе три машины. Жигули «четвёрка», «Нива» и… «Лексус». Неплохо, да?

– Может, «Жигули» с «Нивой» с лохматых годов стоят? – предположила Лиза.

– Может, конечно, но на «Ниве» ещё грязь не просохла,

выезжали на ней ну сутки назад, не больше, до этого морозы стояли. Спрашивается, зачем ездить на «Ниве», когда во дворе такой внедорожник стоит? Слушай дальше. Жена, дети – не пойми во что одеты, на майоре поло от «Лакост», спортивные брюки «Адидас», ну такой, домашний вариант, на руке «Лонджин» механический. Не самые дорогие часы, да и шмотки тоже, но и не дешёвые, простому менту, отягощённому таким богатым потомством, все эти вещи вряд ли по карману. На эти деньги ребятишек поприличнее одевать можно. А на девчонке куртка облезлая, явно с чужого плеча, да шапка пуховая, такие в моём советском детстве девчонки носили. Были ещё несоответствия, сейчас не вспомню, но майор этот, казалось, в гости зашёл. Этакое, знаешь, выражение брезгливости на лице, будто чужое ему здесь всё. И дом не его, и дети нелюбимые, про беременную жену со знатным фингалом под глазом и говорить нечего. Всё какое-то… бутафорское что ли? Другого слова не подобрать. Только забор вокруг участка настоящий. Солидный такой, глухой, высокий. Что угодно за таким спрятать можно, хоть танковую дивизию.

– То есть, ты считаешь, что майор двойную жизнь ведёт?

– Уверен.

– Чем нам это поможет? Может, живёт себе спокойно человек на две семьи, это не преступление, многие так живут.

– Жить на две семьи, это конечно, не преступление, но содержать обе надо, на зарплату полицейского это вряд ли

возможно. Но с этим мы ещё разберёмся. Завтра подумаем, как дальше быть. Но ещё раз повторяю, Лиза, теперь это меня лично касается, и я пойду до конца.

Этой ночью Лизе приснился странный сон. Он был слишком реалистичен, настолько, что все органы чувств оказались задействованы, но в то же время Лиза осознавала, что это всего лишь сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.